

Коллектив авторов
Словенская литература XX века
Серия «Литература XX века»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11080272
Словенская литература XX века: Индрик; Москва; 2014
ISBN 978-5-91674-289-3

Аннотация

Данное научное издание, созданное словенскими и российскими авторами, продолжает знакомить читателя с историей словенской литературы. Впервые в отечественном славяноведении представлен путь словенской литературы в двадцатом столетии, значение которого для истории и культуры словенцев трудно переоценить. В книге отражены важнейшие этапы развития литературы, совпадающие с основными вехами жизни словенского общества. Большое внимание уделено специфике ключевых для рассматриваемого периода литературных направлений: экспрессионизма, социального реализма, модернизма, постмодернизма.

Книга адресована филологам, историкам культуры, преподавателям и студентам, всем, кому интересна литература Словении.

Содержание

Введение	5
Краткий очерк новейшей истории Словении	9
Часть I	34
Литература межвоенного периода (1918–1941)[87]	34
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Словенская литература XX века

© Т. Вирк, Я. Житник-Серафин, К. Я. Козак, М. Кос, М. Пездриц-Бартол, Н. Пилько,
Д. Пониж, В. Сонькин, Н. Старикова, Т. Топоришич, Т. Чепелевская, Текст, 2014

© Институт славяноведения РАН, 2014

© Издательство «Индрик», 2014

Введение

Настоящая книга освещает историю словенской литературы XX века, продолжая комплексное описание литературного процесса, начатое в предыдущем издании «Словенская литература (от истоков до рубежа XIX–XX веков)»¹, в создании которого принимали участие российские и словенские авторы – сотрудники Российской академии наук и Словенской академии наук и искусств. В авторский коллектив данного труда вошли также представители словенской университетской науки – ведущие литературоведы Люблянского и Приморского университетов. Написанные ими разделы внесли существенный вклад в создание целостной картины словенской литературы рассматриваемого периода. Российско-словенский состав авторов, с одной стороны, дал уникальную возможность взглянуть на литературную жизнь Словении и «изнутри», и «извне», с другой – не стану скрывать – существенно усложнил редакторскую работу. Благодаря самоотверженным переводческим и редакторским усилиям необходимое единообразие было достигнуто, и словенская литература XX столетия, значение которого для истории и культуры словенцев трудно переоценить, впервые в полном объеме представлена в России.

Разделение книги на две части объясняется теми изменениями, которые начали происходить в культуре, литературе и искусстве Словении в середине XX в. и были связаны со спецификой общественно-политической ситуации в СФРЮ. Труд открывает «Краткий очерк новейшей истории Словении» и завершают краткие заметки о литературе 2000-х гг. Основной массив текста композиционно распределен следующим образом: в первую часть, охватывающую период с 1918² по 1950 г., входят две главы, рассматривающие: первая – литературу межвоенного периода, вторая – литературу военного времени и первых лет строительства социализма; вторая часть включает три главы, посвященные, соответственно 1950–1960-м, 1970–1980-м и 1990-м гг. Каждая состоит из трех разделов: проза, поэзия, драматургия, расположенных в соответствии с местом конкретного типа творчества внутри периода. Разделы о поэзии включают много иллюстративного материала, что стало возможным благодаря публикациям новых переводов словенской поэзии на русском языке³. Если в поэтических цитатах не указано имя переводчика, значит подстрочно-смысловой перевод сделан автором главы, в словенских главах – переводчиком. В отдельной главе впервые в российской словенистике комплексно представлена литература словенской эмиграции. Издание включает также ряд приложений, содержащих сведения о важнейших компонентах инфраструктуры современной словенской беллетристики, таких как периодические издания и литературные премии, а также избранную библиографию со списком русских переводов словенских авторов, упомянутых в книге, именной указатель и краткие сведения об авторах.

Любая периодизация условна, такое вмешательство в непрерывный литературный процесс – лишь попытка как-то структурировать огромный материал. Представленное в книге деление, совпадающее с основными вехами в жизни словенского общества, позволяет объяснить многие важные особенности развития литературы, но имеет и свою слабую сторону – характеристика творчества отдельных писателей при такой композиции разбивается на части.

На протяжении длительного времени словенская литература развивалась под знаком борьбы за национальную независимость, пройдя на этом пути через многие суровые испы-

¹ Словенская литература (от истоков до рубежа XIX–XX веков) / Отв. ред. д.ф.н. Н. Н. Старикова. М., 2010.

² Вступление словенской литературы в XX столетие нашло отражение в последней главе «Литература на рубеже XIX–XX вв. (1890–1918)» первой книги.

³ См. раздел «Русские переводы произведений словенских авторов, упомянутые в книге» в Избранной библиографии.

тания. Генетически заложенный оборонительный рефлекс в соединении с выработанным с годами «catch up»⁴ синдромом дал в целом позитивные результаты – литературные достижения, с которыми словенцы вошли в новое тысячелетие, существенны, разнообразны и значительны, словенская литература прочно «вписалась» в европейский и мировой литературный контекст.

В XX в. Словения (как и вся Европа) испытала масштабные потрясения. Первая и Вторая мировые войны, драматическая эпопея борьбы с фашизмом и гражданская война, завершившийся крахом опыт строительства социализма – все это нашло отображение в потоке произведений разной идейной и эстетической направленности, ставших красноречивыми свидетельствами времени. Минувшее столетие почти на всем своем протяжении было временем столкновения идеологий, что поставило Словению перед выбором между фашизмом и коммунизмом, между коммунизмом и демократией. Литература оказалась в гуще этого противоборства, испытывая сильнейшее давление. Оно было различным на разных этапах, но присутствовало на протяжении всего столетия, нередко принимая насильственно-репрессивные формы, приводило к существенной идеологизации искусства. Период социалистического строительства отличался особенно настойчивым стремлением властей к контролю над литературой. Однако и в это время искусству удавалось сохранять известную автономию. Наиболее эффективными и интенсивными по наполнению этапами словенского литературного процесса XX в. можно считать межвоенное двадцатилетие с его «атмосферой свободного художественного поиска, идейных и философских споров и значительного художественного плюрализма»⁵ и «оттепельные» 1960-е гг. В условиях политико-идеологического прессинга литература вырабатывала специфические формы сопротивления, которое расшатывало идейные и художественные стереотипы и мифы и делало процесс освобождения слова от диктата идеологии необратимым.

На протяжении XX в. понимание назначения, функций и форм культуры и литературы менялось. Существенное влияние на этот процесс оказали научные открытия, технические достижения и новые философские системы (например, экзистенциализм), которые кардинально изменили представление о человеке и его месте в мире. Интерес к психоанализу стимулировал развитие новых форм самопознания и самовыражения. Все это оставило свой след и в словенском культурном пространстве. В XX в. в словенской литературе заявили о себе многие ведущие направления искусства, среди которых можно особо выделить экспрессионизм, социальный реализм, модернизм и постмодернизм.

«Стремление к эстетической революции, – отмечает Л. Н. Будагова, – было вызвано теми переменами в жизни и мироощущении человека и человечества, которые принес с собой XX в.: его общественно-исторические катаклизмы, научно-технический прогресс, новые условия и ритмы бытия»⁶. *Экспрессионизм*, взлет которого пришелся в Словении в основном на 1920-е гг., как никакое другое авангардное искусство был созвучен состоянию людей, переживших потрясения Первой мировой войны и разруху послевоенного времени. Его появление на словенской почве было обусловлено не только переживаниями военной катастрофы и потрясений мирного времени, но и национальной трагедией словенцев, треть которых оказалась после войны на отторгнутых от родной земли территориях. Последнее обстоятельство придало национальной экспрессионистской модели патриотическую специфику. Объединенные сочувствием к бесправным слоям общества, революционное и католическое направления словенского экспрессионизма в то же время различались по идеологии,

⁴ Catch up (англ.) – догнать, настигнуть.

⁵ *Старикова Н. Н.* Словенский исторический роман в XX в.: национальное и универсальное // *Итоги литературного развития в XX веке в проблемно-типологическом освещении. Центральная и Юго-Восточная Европа.* М., 2006. С. 217.

⁶ *Будагова Л.Н.* Авангардизм // *Лексикон южнославянских литератур.* М., 2012. С. 18.

проблематике, выбору средств борьбы с несправедливостью. Одни видели выход в революционных преобразованиях, другие – в нравственном самоусовершенствовании личности. При бесспорном лидерстве экспрессионистской поэзии это направление – в силу заложенной в нем выразительности, сценичности, способности апеллировать к массам – оказало влияние и на национальную драматургию.

Мировоззренческую основу *социального реализма*, формирование которого в Словении относится к 1930-м гг., составляли социалистические идеи, все глубже укоренявшиеся в общественной жизни и распространявшие свое влияние не только на сторонников коммунистического движения, но и на демократические слои населения и разраставшееся антифашистское сопротивление. На протяжении всего предвоенного десятилетия шли жаркие споры о сути революционного искусства и его роли в общественной борьбе, о понимании соотношения формы и содержания в художественном творчестве. На фоне общего движения словенской литературы от эмоционально-выразительных к изобразительно-аналитическим формам роль социально-психологического компонента в ней повышалась. В годы Второй мировой войны в рядах словенского антифашистского сопротивления оказались писатели разных мировоззрений (коммунисты, либералы, христианские социалисты) и эстетических школ, но ядро партизанской литературы составили социальные реалисты, и их влияние на общие идейно-эстетические подходы к искусству было несомненным. Художественное слово было нацелено на «демократическую коммуникативность, простоту и ясность выражения»⁷, что вело к отказу от усложненной метафорики, к программному использованию фольклорной и классической образности, а также героизации образа бойца в борьбе не только против оккупантов, но и за социальную справедливость. После войны возможность открытой критики сталинизма привела к тому, что принципы социалистического реализма советского образца в словенской литературе не пустили глубоких корней и писатели продолжали ориентироваться на традиции собственного социального реализма, на его более толерантное отношение к автономии творчества и другим художественным тенденциям. Их увлечение новейшими философско-эстетическими концепциями привело к интеллектуализации и психологизации литературного творчества.

На фоне этих тенденций в конце 1950-х гг. заявляет о себе *модернизм*, который остается актуальным около двух десятилетий как способ художественного инакомыслия и расширения эстетического поля. Его представители в своей философии и эстетике опирались на одноименное направление в литературе Западной Европы и Америки, которое характеризовалось разрывом с предшествующим историческим опытом художественного творчества, стремлением утвердить новые нетрадиционные начала, непрерывным обновлением художественных средств и условностью стиля. Вступающее в литературу послевоенное поколение прониклось духом трагического гуманизма, присущего европейской послевоенной литературе. Отстраняясь от текущих проблем социалистического строительства, некоторые словенские авторы начали искать выход в экзистенциальных решениях, выражали себя с помощью искусства, отрицающего требования правдоподобия. На первый план в их произведениях выдвигались проблемы отчуждения, равнодушия и непонимания, подавление личности системой государственных, общественных и семейных отношений, мотивы вины и ответственности как в ее бытовом, так и в универсальном значении. Интерес к «герою-маргиналу, запретной интимной и сексуальной проблематике, обращение к мотивам страха, тоски, одиночества и беспомощности усиливали психологические и биопсихические аспекты повествования, влекли за собой фрагментарность и дефабулизацию»⁸. С одной

⁷ Ильина Г.Я. Социальный, или новый, реализм // Лексикон... С. 425.

⁸ Старикова Н. Н. Поэтика инакомыслия. К ситуации модернизма в литературах Югославии // Славяноведение. 2013. № 1. С. 80.

стороны, налицо была установка на изображение душевного состояния человека в «потоке сознания», с другой – сконструированность повествования. В произведениях возрастала гиперболизация отчаяния, вызванная утратой целостной модели мира. На закате титовской эпохи влияние модернизма в разной степени испытывали многие писатели, в своих произведениях они широко использовали его художественный инструментарий, отдельные приемы и формы. После смерти Й. Б. Тито (1980) атмосфера общественного брожения изменила расстановку сил, выдвинув на первый план национальную и общественную проблематику. На смену зашифрованной литературе экзистенциально-модернистского типа пришло восприятие художественного творчества как выразителя критического сознания, и философские и художественные принципы модернизма потеряли актуальность.

Активная фаза *постмодернизма* приходится в словенской литературе на 1980-е гг., т. е. несколько позже, чем на Западе. Если там он оказался естественным порождением постиндустриального общества, был тесно привязан к постструктуралистской теории и использовал весь арсенал западной масскультуры, то здесь его возникновение было вызвано самой абсурдностью социалистической системы и идейным коллапсом тоталитарного общества. Стремясь освободиться от всех нелитературных задач, искусство слова стало искать опору во многих ключевых позициях постмодернистской философии: в устремленности к синкретизму мышления, представлениях об исчерпанности старых взглядов на историю, в обесценивании вечных ценностей, в том числе кажущихся незыблемыми канонов красоты, принципиальном плюрализме художественных языков, «постмодернистской чувствительности». Благодаря влиянию на литературу эстетики постмодернизма оказался преодолен стойкий и последовательный консерватизм национального художественного сознания, при всем тяготении словенцев к западноевропейскому опыту – будь то декаданс, авангард или экзистенциализм, значительно снизивший в нем потенциал иронического и пародийного. Постмодернизм дал возможность «карнавализации (веселой относительности)» восприятия национальной художественной классики⁹, точнее, тех клише, которыми неизбежно «обрастает» любая литература в процессе своего функционирования. Впервые иерархия архетипических художественных ценностей была подвергнута «оперативному вмешательству» и многие табу были сняты.

В 1991 г. Словения обрела независимость, получила международное признание со стороны демократических государств, а через несколько лет оказалась в составе Североатлантического альянса, Евросоюза, первой из новых стран – членов ЕС вступила в зону евро. В сложившихся обстоятельствах национальная литература начала искать адекватные способы взаимодействия с действительностью и сразу же столкнулась с проблемой «выживания» в условиях рынка, высокой конкуренцией, лавиной массовой переводной продукции. Прошедшие десятилетия показали, что испытание экономической свободой серьезная литература в целом выдержала, сохранив самобытное «лицо» и высокий художественный уровень. Тезис Ф. Фукуямы о «конце истории» к ней явно не относится. Для словенской литературы история продолжается.

Выражаю глубокую благодарность рецензентам книги д.ф.н. И. Е. Адельгейм и д.ф.н., профессору В. М. Толмачеву, а также директору Института словенской литературы и литературоведческих наук Научно-исследовательского центра САНИ д.ф.н., профессору М. Ювану за ценные замечания и советы. Особая признательность переводчикам – Ж. Перковской, Г. Пилипенко и Е. Шатько, без которых осуществление этого проекта было бы невозможным.

⁹ Старикова Н. Н. Парадигма постмодернизма в словенской литературе // Постмодернизм в славянских литературах. М., 2004. С. 128.

Краткий очерк новейшей истории Словении

Переломным моментом в истории словенцев стало образование 28 октября 1918 г. независимого Государства словенцев, хорватов и сербов (Государства СХС). Однако оно не имело международного признания, государственного аппарата и главное – армии, которая могла бы защитить территориальную целостность страны. Несмотря на все усилия политиков доказать силам Антанты свою лояльность, последние не видели в новом государственном объединении союзника. Ситуацию осложняли и агрессивные действия Италии, стремившейся захватить обещанные ей Лондонским договором (1915) территории. Окруженное со всех сторон неприятелем Государство СХС было вынуждено искать поддержки и нашло союзника в лице Сербии. 24 ноября Народное вече в Загребе приняло решение объединить Государство СХС с Королевством Сербия. Объединение произошло 1 декабря 1918 г. Это государственное образование получило название Королевство сербов, хорватов и словенцев (Королевство СХС).

20 декабря 1918 г. было создано правительство Королевства СХС. Его главой стал представитель Сербской радикальной партии С. Протич. Пост заместителя премьер-министра получил лидер Словенской народной партии (СНП) А. Корошек. Надежды словенцев на автономию в новом государстве не оправдались: министр внутренних дел С. Прибичевич начал проводить политику, направленную на укрепление централизма, и словенское Национальное правительство, созданное в Любляне 31 октября 1918 г., было ликвидировано. Его заменило областное правительство, главу и заместителя которого назначал регент. Возглавивший областное правительство Я. Брейц пытался сохранить остатки автономии, но пришедшие к власти либералы, представители Словенской народной прогрессивной партии (впоследствии Югославянская демократическая партия) Г. Жерьяв, а затем В. Балтич, продемонстрировали полную лояльность Белграду.

Нестабильность политической обстановки в новом государстве усугублялась напряженностью в отношениях с ближайшими соседями, в первую очередь с Италией и Австрией. В феврале 1919 г. итальянская делегация передала Парижской мирной конференции меморандум с требованием аннексии областей, которые должны были перейти к ней согласно Лондонскому договору. Италия мотивировала свои претензии стратегической необходимостью и угрозой своей безопасности со стороны югославянских народов. В меморандуме говорилось также об итальянском населении этих областей, об историческом праве на земли, которые были в свое время римскими и венецианскими¹⁰. В ходе переговоров Королевство СХС из-за выжидательной позиции Англии и Франции осталось один на один с Италией. В итоге мирная конференция в Париже не разрешила вопроса о границе между Королевством СХС и Италией. Последняя намеренно отказывалась признавать новое государство, разрабатывала планы по его разрушению, для чего спонсировала противников объединения внутри Королевства.

Переговоры продолжились в двустороннем порядке. 12 ноября 1920 г. был подписан Рапалльский договор. Италия отказалась от Далмации, но к ней была присоединена почти вся Истрия с Триестом и Пулой. К Италии также отошла часть Юлийских Альп, город Риека был признан независимым государством. Словенцы, проживавшие на переданных Италии территориях, численность которых составляла приблизительно 340 тыс., выразили протест, но уже 5 января 1921 г. Италия официально присоединила перешедшие к ней территории. Несмотря на то что еще ноябре 1918 г. в специальном обращении от имени итальянского

¹⁰ Пилько Н. С. Словенские западные территории после Первой мировой войны // Славянский мир в третьем тысячелетии. М., 2011. С. 279.

государства словенцам было обещано уважительное отношение к национальным традициям и культуре, которое будет подкреплено созданием большего количества школ, чем во времена Австро-Венгрии, этого так и не произошло. С 1919 г. до конца 1922 г. делами присоединенных земель занималось Центральное управление новыми землями. После аннексии итальянское законодательство и избирательное право распространились на Юлийскую Крайну. В парламент прошло пять словенских депутатов, где они представили программное заявление словенцев и хорватов. В нем они отметили, что «итальянские граждане югославянской национальности осознают свое положение, т. е. принадлежность югославскому народу и итальянскому государству одновременно, и готовы принять все последствия, которые из этого вытекают»¹¹.

В начале 1920-х гг. фашистское насилие против неитальянского населения возрастает. Фашисты не признавали прав нацменьшинств и считали славян низшей расой. 13 июля 1920 г. был сожжен словенский Народный дом. Но этим дело не ограничилось. Была сожжена типография газет «Ил лавараторе» и «Дело», совершены нападения на типографию общества «Единост». В селах уничтожались национальные школы, дома культуры. К концу 1921 г. в Юлийской Крайне было разрушено 134 здания, в основном культурные учреждения и школы. Когда в 1922 г. фашисты пришли к власти, ситуация приобрела трагический характер. Словенский язык было запрещено использовать в судах, государственных учреждениях, при написании вывесок и на надгробиях, а перед началом Второй мировой войны – в церквях. Географические названия и личные имена писались на итальянский манер. Всего к 1928 г. было распущено 500 обществ и закрыто 450 библиотек. То же самое произошло и с газетами.

В 1923 г. была проведена школьная реформа. Для Италии она означала обновление старой системы основного образования, для национальных меньшинств – запрет деятельности национальных школ. Было решено, что в учебном 1923/24 г. в первых классах начальных школ будет изучаться только итальянский язык. На следующий год запрет распространился и на вторые классы. Словенский, хорватский и немецкий языки в школах теперь изучались только факультативно и по просьбе родителей. В 1925 г. запретили и факультативы. К учебному 1928/29 г. словенский и хорватский языки были полностью исключены из программы. На сербскохорватском языке продолжала работать только одна основная школа сербской православной церковной общины, которую ее имели право посещать лишь дети проживавших на этих территориях граждан Югославии¹². В 1926 г. власти распустили Словенское объединение учителей. С 1927 г. все школы стали итальянскими. Учителей-славян либо увольняли, либо отправляли на пенсию. Большинство из них бежало в Югославию¹³. С 1928 г. был установлен запрет на преподавание закона Божьего на словенском языке. 3 апреля 1926 г. вступил в силу закон о воспитании молодежи, предусматривавший вовлечение детей в фашистские молодежные организации. В школах ввели военную подготовку. Запретили распространять славянские книги и отправлять детей учиться за границу¹⁴. В апреле 1926 г. также вышел закон, запрещающий «организации, которые пытались препятствовать национальной ассимиляции Юлийской Крайны»¹⁵. Сюда попадали Политическое общество «Единост», Словенское школьное общество, Союз физкультурных обществ и др.

¹¹ Kacin Wohinz M. Slovenci v Italiji // Slovenska novejša zgodovina. 1848–1992. Ljubljana, 2005. S. 531.

¹² Bajc G., Pelikan E. Od konca prve do začetka druge svetovne vojne (1918–1941). Na oni strani meje // Slovenska manjšina v Italiji in njen pravni položaj: zgodovinski in pravni pregled 1866–2004. Ljubljana, 2004. S. 73.

¹³ Nečak D., Repe B. Kriza. Svet in Slovenci od prve svetovne vojne do sredine tridesetih let. Ljubljana, 2008. S. 234–235.

¹⁴ Bajc G., Pelikan E. Od konca prve do začetka druge svetovne vojne... S. 82.

¹⁵ Ibid.

Все эти меры вызывали недовольство словенского населения. Поэтому закономерным стало появление на территории Юлийской Крайны подпольной террористической организации. Она выделилась из национально-либерального течения и получила название «Наша организация», но была больше известна под аббревиатурой ТИГР (по заглавным буквам названий городов Триест, Истра, Горица, Риека). Созданная в 1924 г., она находилась под контролем Политического общества «Единство» и стала самостоятельной в 1927 г. В состав ТИГРа входили представители Союза просветительских обществ Горицы, общества «Адрия» и триестского Союза молодежных обществ, взявшие на вооружение лозунг ирландского освободительного движения отвечать насилием на насилие. Члены организации ставили перед собой задачу террористическими действиями привлечь общественность, устрасить адептов денационализации. Они призывали словенцев к сопротивлению и вселяли в них надежду на возможное воссоединение с родиной. Основными их акциями были поджоги фашистских детских садов и школ, вооруженные нападения на отделения фашистской полиции. Через тайные каналы на границе организация поддерживала связь с Югославией, переправляла беженцев, в том числе и итальянских антифашистов, получала словенскую литературу и оружие.

Первый серьезный суд над членами ТИГРа состоялся в 1929 г. в Пуле. В. Гортан был приговорен к повешению за убийство полицейского, четверых соучастников приговорили к тридцати годам лишения свободы. В 1930 г. после взрыва в редакции фашистской газеты «Ил пополо ди Триесте» организация была раскрыта, ее руководители, члены триестской ячейки Ф. Бидовец, Ф. Марушич, З. Милош и А. Валенчич, предстали перед судом и были приговорены к расстрелу.

Несмотря на патетическую риторику, итальянские власти не собирались поддерживать национальные меньшинства. Их деятельность была направлена на уничтожение всего, что имело инациональный характер. Италия осталась недовольна итогами войны, и идея реванша витала в воздухе. Более 300 тыс. словенцев оказались бесправными заложниками этой ситуации. Власти делали все, чтобы искоренить иное национальное самосознание, уделяя особое внимание воспитанию детей и молодежи в духе итальянского фашизма. Впоследствии, во время Второй мировой войны после оккупации и аннексии части словенских земель Югославии, итальянские власти применяли те же методы, уже опробованные в межвоенный период.

Тяжелая ситуация складывалась и на границе с Австрией. Марибор и Нижняя Штирия вошли в состав Государства СХС еще в ноябре 1918 г. Эта граница была одобрена мирной конференцией, однако вокруг судьбы Каринтии развернулись ожесточенные споры. Мирный договор с Австрией был подписан 10 сентября 1919 г. в Сен-Жермене. К Королевству СХС отошли Езерско и Мезишска долина. Решение о судьбе оставшихся каринтийских территорий, населенных словенцами, должно было быть принято после плебисцита. Спорные территории разделили на две зоны: «А» и «Б». В зоне «Б» плебисцит следовало проводить только в том случае, если зона «А» проголосует в пользу Королевства СХС. Плебисцит состоялся 10 октября 1920 г. За то, чтобы остаться в составе Австрии, проголосовало 59,04 %, в Королевстве СХС – 40,96 % словенского населения. Наиболее спокойно процесс установления границы прошел с Венгрией. В августе 1919 г. югославские власти получили разрешение занять Прекмурье. Граница была установлена 4 июня 1920 г. в результате подписания Трианонского договора.

Одним из важнейших событий стали выборы в Учредительную скупщину, состоявшиеся 28 ноября 1920 г. Она должна была разработать конституцию нового государства. Участие в выборах приняли все словенские партии. После распада Австро-Венгрии словенская политическая жизнь претерпела значительные изменения. В первую очередь они коснулись социалистического и либерального лагеря, в то время как католический лагерь, представ-

ленный Словенской народной партией, оставался однородным вплоть до Второй мировой войны и получал стабильную поддержку избирателей¹⁶. Идеология партии строилась на концепции христианского социализма. Лидер партии А. Корошек считал, что Словении нужна автономия с местным парламентом и подчиненным ему местным правительством, что было особо оговорено в программе. Также было подчеркнуто, что партия стремится к равноправии словенцев, хорватов и сербов. Особое внимание уделялось идее объединения всех словенцев в югославянском государстве, свободе вероисповедания и равноправию религий, прежде всего православия и католичества в многоконфессиональной стране.

Противоположностью СНП была либеральная Югославянская демократическая партия (ЮДП), образованная в июне 1918 г. Она выступала поборником централистского государства, поддерживала монархию, отвергала политический католицизм и диктатуру пролетариата. Что касается национального вопроса, то в программе партии было записано: «Национальность – наша животворная сила, которая должна оказывать влияние на всю общественную и частную жизнь: в семье, в школе, в науке и искусстве, в словесности, в политике, в правовых и социальных постановлениях»¹⁷.

Марксистские партии, такие как Югославянская социал-демократическая партия (ЮСДП) и словенская фракция Коммунистической партии Югославии (организована в 1920 г.), выступали за коренные изменения в обществе. ЮСДП рассматривала создание югославского государства в качестве первого шага на пути к балканскому союзу республик всех южных славян и осуждала сепаратизм. Главным условием для этого должно было стать создание единого югославянского народа¹⁸. Партия выступала за общественную собственность на средства производства, строительство народной республики и самоуправление общин¹⁹, требовала проведения аграрной реформы, социальной защищенности рабочих. Словенские коммунисты стремились к революционной классовой борьбе и созданию коммунистической рабоче-крестьянской советской республики, выступали за мир между народами и установление дипломатических отношений с Советским Союзом. Так же как и ЮСДП, они считали необходимым создание единого югославянского народа.

Свои политические программы представили также новые словенские либеральные партии. Независимая крестьянская партия (НКП) выступала за равноправие словенцев, хорватов и сербов и сначала поддерживала автономию Словении, но позднее изменила свою позицию. Идею автономии разделяла и Национальная социалистическая партия (НСП). Ее представители подчеркивали равноправие всех вероисповеданий и считали неприемлемым использование религии в политических целях.

На выборах в Учредительную скупщину победила Словенская народная партия, которая получила 37,27 % голосов и 15 депутатских мест²⁰. Второй стала Независимая крестьянская партия, получившая 20,86 % голосов и 9 депутатских мест. Учредительная скупщина начала работу 12 декабря 1920 г. Представленные в ней словенские партии в вопросе о государственном устройстве разделились на два блока. К первому примкнули сторонники автономного устройства государства, ко второму – центристского. Большинство словенских партий выступало за централизм, за автономию выступали только СНП и Национальная социалистическая партия. Подобное разделение было характерно не только для словенских партий. Период становления нового государства прошел под знаком борьбы центристов

¹⁶ Nečak D., Repe B. Kriza. Svet in Slovenci od prve svetovne vojne do sredine... S. 145.

¹⁷ Perovšek J. Programi političnih strank, organizacij in združenij na Slovenskem v času Kraljevine SHS (1918–1929) // Viri. Št. 13. 1998. S. 23. Dok. № 1.

¹⁸ Mikuž M. Razvoj slovenskih političnih strank v stari Jugoslaviji // Zgodovinski časopis. 1955. Št. 1–4. S. 114.

¹⁹ Naprej. 5.10.1920; 3.11.1920.

²⁰ Perovšek J. Volitve v Ustavodajno skupščino // Slovenska novejša zgodovina... S. 237–239.

и федералистов. Центристы выступали за создание единого государства, с твердой центральной властью, федералисты же требовали равноправия всех народов Королевства.

12 февраля 1921 г. Югославянский клуб, в который, помимо СНП, входила Хорватская народная партия, представил свой проект конституции, согласно которому югославское государство должно было стать конституционной, парламентской и наследственной монархией с автономными основами государственного устройства, что подразумевало разделение государства на отдельные районы: Сербию, Хорватию с Славонией и Междумурьем, Боснию и Герцеговину с Далмацией, Черногорию, Воеводину и Словению с Прекмурьем. В каждом из этих районов предусматривалось создание собственной скупщины, которая обладала бы законодательной властью в сфере общественного управления, областных финансов и налогов. Кроме того, области должны были иметь свои правительства. В их ведении находились бы внутренние дела, торговля и производство, строительство, полезные ископаемые, вопросы, связанные с аграрной реформой, образование, здравоохранение, социальная политика, правосудие и финансы²¹.

Лагерь центристов был представлен Независимой крестьянской партией (НКП) и Югославянской демократической партией, выступавших за создание единого югославянского народа, согласно принципу: один народ – одно государство. При этом НКП отвергала идею автономии Словении в новом государстве, поскольку полагала, что это будет препятствовать экономическому и политическому развитию словенцев²².

Одновременно с вопросом о будущем устройстве государства был поднят вопрос о культурной и языковой самостоятельности словенцев. Представители интеллигенции выступили с так называемым «Заявлением», где требовали для словенцев культурной автономии. Под этим документом подписалось 43 представителя словенской интеллигенции. Несмотря на сдержанную реакцию со стороны народных масс («Заявление» приняли с энтузиазмом только в политических кругах), это стало первым шагом интеллигенции к участию в делах государства, свидетельствующим о преодолении ею аполитичности²³. Большая часть интеллигенции поддержала идею сохранения словенской идентичности внутри югославской общности.

Конституция была принята 28 июня 1921 г. Королевство провозглашалось конституционной, парламентской, наследственной монархией. Законодательную власть осуществлял монарх и Народная скупщина, которую он имел право собирать и распускать. Он же назначал министров и главу правительства. Суды вершились именем короля, который не был никому подчинен, обладал иммунитетом и не мог быть привлечен к суду²⁴.

Конституция была направлена на создание единого сербско-хорватско-словенского народа. 26 апреля 1922 г. правительство Н. Пашича объявило о разделе Королевства на 33 области, во главе каждой из которой был поставлен наместник, назначенный королем. Словенские земли были разделены на две области – Люблянскую и Мариборскую. Первым наместником Словении стал И. Хрибар, который в свое время довольно долго занимал должность мэра Любляны. На своем посту он пытался ликвидировать раздробленность Словении и расширить полномочия областной администрации. Это вызвало негативную реакцию со стороны премьер-министра – Пашич пригрозил распустить словенскую областную администрацию, после чего Хрибар подал в отставку.

В начале 1920-х гг. в сферу влияния сербской Народной радикальной партии (НРП) попадает Словения. В начале августа 1921 г. в Кочевье был создан штаб НРП Словении.

²¹ Perovšek J. Programi političnih strank... S. 78. Dok. № 18.

²² Perovšek J. Volitve v Ustavodajno skupščino // Slovenska novejša zgodovina... S. 242.

²³ Dolenc E. Med kulturo in politiko. Ljubljana, 2010. S. 95.

²⁴ Perovšek J. Sprejetje vidovdanske ustave // Slovenska novejša zgodovina... S. 247.

В октябре штаб был открыт в Любляне, его возглавил Н. Жупанич, который с декабря 1922-го по май 1923 г. был министром без портфеля в правительстве Пашича. После выборов в Народную скупщину Королевства СХС в 1923 г., когда радикалы не получили ни одного мандата, в партии начался раскол. Несмотря на разногласия по поводу государственного устройства, они поддерживали монархию и централизм, придерживались идей югославского национального унитаризма, выступали против большевизма и политического клерикализма, осуждали стремления СНП к автономии.

В марте 1923 г. состоялись выборы в Народную скупщину, в ходе которых большинство голосов получили партии, выступавшие за федеративное или автономное устройство государства. В Словении с большим отрывом победила СНП, издавшая перед этим брошюру «Судите по делам», где принятая 28 июля 1921 г. буржуазная конституция Королевства сербов, хорватов и словенцев – Видовданская конституция – была названа реакционной, уничтожающей «народную свободу и самоопределение и санкционирующей гегемонию сербства, что является губительным для государства, в котором проживают три народа»²⁵. В Хорватии победу одержала Хорватская республиканская крестьянская партия С. Радича, в Боснии и Герцеговине – Югославская мусульманская организация. Партия Пашича не получила ожидаемого большинства и была вынуждена искать поддержки в лице радикалов. В апреле 1923 г. было заключено соглашение, получившее название «Марков протокол». Добившись желаемого большинства в парламенте, Пашич провел несколько законов, направленных на ужесточение политического режима в стране. Ситуация накалялась, недовольство правительственной политикой возрастало. Работа парламента приостановилась почти на пять месяцев. Премьер-министр хотел распустить скупщину, в которой его партия не имела большинства, и провести новые выборы. Против этого выступили Демократическая партия, Югославская мусульманская организация и СНП²⁶, которые в опубликованном 29 мая 1924 г. воззвании осудили внепарламентский режим. Правительство Пашича было отправлено в отставку, однако сам он вскоре вернулся на свой пост.

27 июля 1924 г. было создано новое правительство, которое составили партии парламентского большинства. Его возглавил лидер Демократической партии Л. Давидович. СНП получила три министерских портфеля: А. Корошек стал министром просвещения, А. Сушник и И. Весеняк – соответственно министрами транспорта и аграрных реформ.

На новых выборах в феврале 1925 г. абсолютным победителем стала Словенская народная партия, получившая 56 % голосов и 20 из 26 депутатских мест в парламенте. В марте 1925 г. в скупщине вновь оформился оппозиционный блок, куда наряду с СНП вошли ХРКП, Югославская мусульманская организация, Демократическая партия. Объединение получило название «Блок народного соглашения и крестьянской демократии». Вскоре ХРКП отделилась от блока и перешла на сторону радикалов. Племянник Радича Павел на заседании скупщины заявил о поддержке централистской политики и сотрудничестве с сербскими радикалами, что вызвало резкое неодобрение СНП. Корошек назвал поступок Радича предательством и отметил: «Когда это произошло, мы должны были думать не о том, как скрыть программу автономии, но о том, как попытаться ее реализовать»²⁷. В конце марта 1925 г. было решено создать коалиционное правительство из радикалов и ХКП (партия перестала именовать себя республиканской).

Новая тактика СНП была сформулирована в резолюции от 10 октября 1926 г. В ней было отмечено, что экономические, финансовые и социальные условия в стране ухудши-

²⁵ Slovenec. 4.02.1923.

²⁶ Пилько Н. С. Политическая жизнь Антона Корошеца // До и после Версаля. М., 2009. С. 93.

²⁷ Slovenec 4.01.1927.

лись настолько, что можно говорить о кризисе. Решение этих проблем должно стать главной задачей правительства²⁸.

Правительство, сменившее кабинет Пашича-Радича, было сформировано в апреле 1926 г. Н. Узуновичем. Оно обещало обратить пристальное внимание на проблемы экономического развития страны. Желание войти в правительство выразил и Корошец, с условием, что люблянская и мариборская части Словении будут объединены²⁹, однако приглашен не был. В дальнейшем СНП находилась в оппозиции правящему режиму, и лишь в феврале 1927 г. после длительных переговоров три словенских представителя стали членами правительства Узуновича: Д. Сернец получил пост министра общественных дел, Ф. Куловец – министра по делам крестьянства, А. Госар – министра социальной политики.

В январе 1927 г. в Королевстве были проведены выборы в областные органы правления. В Люблянской областной скупщине СНП получила 40 мест, все остальные партии – 13. В Мариборской скупщине СНП получила 42 места³⁰. 20 февраля 1927 г. депутаты СНП обеих областных скупщин собрались на съезд в Целье. В своем выступлении новый заместитель лидера партии М. Натлачен заявил, что задача членов СНП заключается в обеспечении единства работы словенских органов самоуправления в обеих областях³¹.

Выборы в других частях страны нередко сопровождались беспорядками, которые жестоко подавлялись. В итоге оппозиционная часть Народной скупщины потребовала привлечения к ответственности министра внутренних дел Б. Максимовича. Правительство Узуновича ушло в отставку. В апреле 1927 г. его сменило правительство Вукичевича-Маринковича. В июне 1927 г. скупщина была вновь распущена, а выборы назначены на 11 сентября. Стремясь создать сильное прокоролевское крыло, В. Вукиевич начал переговоры с оппозицией, в том числе и с СНП. 11 июля 1927 г. на озере Блед между Вукичевичем и Корошцем было заключено соглашение. На сентябрьских выборах СНП получила 50,94 % голосов, а Корошец вошел в правительство в качестве министра внутренних дел.

В ноябре 1927 г. была создана Крестьянско-демократическая коалиция (КДК), куда вошли представители ХКП и сторонники С. Прибичевича. Коалиция критиковала действия правительства, требовала покончить с коррупцией в административных и правительственных кругах, призывала отказаться от кабальных заграничных займов. Отношения между проправительственным большинством и КДК обострились. Заседание скупщины 20 июля 1928 г. закончилось трагически. В ответ на саркастические замечания депутатов КДК депутат Пуниша Рачич выхватил пистолет и открыл стрельбу, в результате было убито и ранено несколько депутатов ХКП. Тяжело раненный Радич скончался через несколько недель. Последовавшие за этим беспорядки вынудили правительство Вукичевича подать в отставку. 24 июля 1928 г. право на создание нового правительства было предоставлено лидеру СНП А. Корошецу. В новое правительство вошли представители Народной радикальной партии, Демократической партии и Югославской мусульманской организации. Корошец занял две должности: премьера и министра внутренних дел³². Однако уже через полгода правительство Корошеца подало в отставку. 6 января 1929 г. королевским манифестом деятельность всех партий была запрещена³³. Конституция 1921 г. отменялась. Одновременно был издан

²⁸ *Stiplovšek M.* Slovenska ljudska stranka in uvedba oblastnih samouprav leta 1927 // *Prispevki za novejšo zgodovino XXXV* – 1995. S. 37.

²⁹ *Пилько Н.С.* Политическая жизнь Антона Корошеца... С. 94.

³⁰ *Stiplovšek M.* Slovenska ljudska stranka... S. 42–43.

³¹ *Пилько Н.С.* Политическая жизнь Антона Корошеца... С. 95.

³² Там же. С. 97.

³³ Коммунистическая партия Югославии была объявлена вне закона еще в 1921 г. после покушения на принца-регента Александра и министра внутренних дел М. Драшковица (*примеч. ред.*).

«Закон о королевской власти и верховном государственном управлении», согласно которому исключительное право издавать законы и назначать чиновников на посты получал монарх.

Начало 1930-х гг. было отмечено глубоким политическим и экономическим кризисом, сопровождавшимся безработицей. В результате люди стали тяготеть к более радикальным и популистским политическим течениям³⁴, причем разброс политических пристрастий был весьма разнообразным: от католического направления, которое поддерживало сословное устройство государства, до коммунистической диктатуры по образцу Советского Союза. Между этими двумя полюсами сконцентрировалось много политических групп, придерживавшихся либеральных и демократических принципов. Главным вопросом, вокруг которого велись наиболее жаркие дискуссии, стал национальный. Часть словенского общества придерживалась мнения, что в области культуры и языка словенцы должны постепенно сливаться с другими народами Югославии, чтобы в итоге стать частью единого югославянского народа. Другие же, напротив, выступили на защиту словенской идентичности.

В сентябре 1931 г. была провозглашена Октроированная конституция³⁵. СНП перешла в оппозицию и вернулась к борьбе за идею автономного устройства государства. Самые жесткие заявления прозвучали на митинге в честь дня рождения Корошеца. Волнения прокатились по всем словенским землям, которые с 1929 г. были объединены в Дравскую бановину.

1 января 1933 г. была опубликована Словенская декларация, или, как ее называли, «Люблянские пунктуации». В этом документе СНП сделала основной упор на то, что словенский народ продолжает оставаться разделенным между четырьмя государствами. Было выдвинуто требование предоставить Словении такое положение внутри страны, которое стало бы привлекательным для всех словенцев, проживающих за ее пределами, что возможно лишь при условии превращения государства в союз равноправных народов, одним из которых является словенский. Должны были быть признаны самобытность словенцев их этническая целостность, так же как и право распоряжаться собственными финансами и иметь свой флаг. Если бы подобные требования были выполнены также и в отношении и других народов Югославии, отмечалось в «пунктуациях», это позволило бы государству стать союзом равноправных народов³⁶. Декларация вызвала недовольство правительства, Корошец был отправлен в ссылку сначала в Тузлу, а потом на Хвар. В знак протеста СНП бойкотировала выборы в скупщину 1935 г.

Находясь в изгнании, Корошец связался с премьером М. Стоядиновичем, чтобы обсудить возможность создания новой прогосударственной партии³⁷. Самовольно вернувшись из ссылки, он сразу же направился в Белград, где активно включился в политическую жизнь. Понимая, что прежние взгляды делают его выход на политическую арену невозможным, Корошец пересмотрел свою позицию по вопросу государственного устройства. Однако, несмотря на проявленную лояльность, ни в правительство Узуновича, ни в правительство Б. Евтича он не вошел.

После смерти короля Александра I Карагеоргиевича (1934) политическая жизнь страны ожила. Партии, находившиеся в оппозиции, приняли участие в выборах в мае 1935 г. Проправительственные партии во главе с Б. Евтичем набрали голосов немногим больше, чем оппозиционные. Это было воспринято как неудача, и правительство подало в отставку. Новое правительство возглавил член радикальной партии М. Стоядинович.

³⁴ Dolenc E. Nova ideološka razhajanja na pragu vojne // Slovenska novejša zgodovina... S. 265.

³⁵ Октроированная конституция (от фр. *octroyer* – жаловать, даровать) – конституция, издаваемая главой государства без участия представительных органов (*примеч. ред.*).

³⁶ Jutro. 11.01.1933.

³⁷ Vidovič-Miklavčič A. Vrnitev SLS na oblast // Slovenska novejša zgodovina... S. 361.

В этих непростых условиях в СНП происходит раскол. Одна часть партии, возглавляемая бывшим министром А. Госаром, лидером мариборского отделения, считала необходимым объединение с правительственным блоком. Вторую возглавил М. Натлачен, считающий более целесообразным объединение с оппозиционным блоком. Корошецу стоило большого труда предотвратить полный развал партии.

Для укрепления своих позиций премьер Стоядинович приступил к созданию собственной политической силы – Югославского радикального союза (ЮРС), в который должны были войти партии, во времена диктатуры остававшиеся в оппозиции. На учредительном съезде он выступил в поддержку идеи децентрализации государственной власти, пообещав издание демократических законов и введение самоуправления. Эти заявления помогли ему перетянуть на свою сторону представителей мусульман и СНП. Их лидеры М. Спахо и А. Корошек вошли в состав правительства, получив министерские портфели. В Словении появление новой политической силы в целом вызвало широкую поддержку, однако ее приветствовали не все члены СНП. Противники ЮРС образовали так называемую Старую СНП и настаивали на том, чтобы партия вернулась к реализации требований Словенской декларации 1933 г. Эту группу возглавили Антон Брецель и Иван Становник. Вскоре Корошек стал главой бановинского комитета Югославского радикального союза. Постепенно ЮРС занял лидирующее положение во всех органах власти Дравской бановины, вытеснив представителей других партий.

Одной из задач, которые ставил перед собой Корошек, находясь в правительстве, было восстановление системы местного самоуправления. Он полагал, что именно самоуправление позволило бы ЮРС контролировать настроения в стране. Осенью 1936 г. были проведены выборы в органы местного самоуправления. В Дравской бановине победу одержал ЮРС, основу которого составляли члены СНП.

Другим достижением Корошеца во время его пребывания в правительстве Стоядиновича стало возвращение к вопросу о конкордате³⁸ с Ватиканом. Положение Католической церкви в Королевстве Югославия было неопределенным, поэтому представители Хорватии и Словении в правительстве всеми силами пытались добиться повышения ее статуса. Но выступившая с резким протестом Православная церковь смогла приостановить процесс заключения договора, поскольку опасалась, что он может предоставить Католической церкви больше прав, чем православной. Несмотря на то что скупщина большинством голосов поддержала конкордат, он так и не получил силу закона. Синод Православной церкви предал анафеме депутатов, проголосовавших за него, в том числе и самого Стоядиновича.

Очередные выборы в скупщину состоялись 11 декабря 1938 г. ЮРС составил блок с Югославянской народной партией. Большинство голосов и мест в парламенте получил Югославский радикальный союз, однако перевес был незначительным, и оппозиция, возглавляемая В. Мачеком, получила немногим меньше голосов. Это обстоятельство было расценено как поражение, в котором обвинили премьера. Его политику в свою очередь осудили ведущие члены ЮРС, в том числе А. Корошек и М. Спахо³⁹. После падения правительства Стоядиновича Корошек стал министром просвещения в правительстве Д. Цветковича. Он выступал против вступления Югославии в войну, поскольку понимал, что в случае нападения стран «оси»⁴⁰, Югославия рассыплется как карточный домик и что сохранение государства является единственной гарантией безопасности словенского народа. Поэтому

³⁸ Конкордát (от лат. concordatum – соглашение) – договор между Папой римским как главой Римско-католической церкви и каким-либо государством, регулирующий правовое положение Римско-католической церкви в данном государстве и его отношения со Святым Престолом (*примеч. ред.*).

³⁹ Пилько Н. С. Политическая жизнь Антона Корошеца... С. 101.

⁴⁰ Страны «оси» – агрессивный военный союз Германии, Италии и Японии, которому противостояла антигитлеровская коалиция (*примеч. ред.*)

отстаиваемые им на протяжении всего периода существования СНП идеи автономии были отодвинуты на второй план. При этом появились новые соображения, касавшиеся уже не автономии, а независимости Словении. Так, после образования Словацкой республики (1939) возникла идея переговоров с Хорватской крестьянской партией об образовании союзного словенско-хорватского государства. Рассматривалась и возможность создания независимого государства под германским протекторатом. В новой программе СНП особо отмечалось, что главным требованием остается создание «независимой Словении... Словения должна быть самостоятельной и равноправной составляющей частью обновленного, расширенного, федеративного Королевства Югославия»⁴¹. Подчеркивалось, что государство обязано заниматься международными отношениями, защитой государственной безопасности и неприкосновенностью границ, а также управлением государством как таковым с целью сохранения его единства. После смерти Корошеца 14 декабря 1940 г. в партии обострились споры относительно судьбы Словении, и в итоге она раскололась на два лагеря, один из которых возглавил А. Куловец, другой – М. Натлачен.

Большое влияние на внутривнутриполитическую жизнь Королевства оказало изменение внешнеполитического курса. Постепенно Югославия отдалялась от своего прежнего вектора, ориентированного на Францию, и все больше сближалась с Германией и Италией. Итогом этого стало присоединение Югославии к Тройственному пакту 25 марта 1941 г. В этих условиях сложились две основные политические силы: антифашисты и те, кто выступал против коммунистов, в первую очередь католики и либералы.

После государственного переворота 27 марта 1941 г. в Белграде⁴² стало ясно, что избежать войны Югославии не удастся. Осознавая реальность угрозы, словенская политическая элита усилила подготовку плацдарма для своего дальнейшего существования. 30 марта из Белграда в Люблянину вернулся М. Старе с новостями и указаниями от входивших в кабинет министров югославского правительства словенцев Ф. Куловеца и М. Крека. Они настоятельно рекомендовали Словенской народной партии разработать стратегию на случай оккупации⁴³. В этот же день в Любляне состоялось совещание руководства СНП, на котором было решено, что партия не будет сотрудничать с властями противника и с нацистскими или фашистскими организациями⁴⁴. Участники приняли решение отправить за границу своих представителей Ф. Габровшека и А. Кухара для отстаивания интересов Словении в союзническом лагере⁴⁵. В июне 1941 г. они уехали в Лондон, где оставались до 1943 г. 30 марта было решено направить курьера в Загреб для выработки совместной с хорватами политики в случае нападения на Югославию⁴⁶. Функции управления Дравской бановиной оставались в руках бана М. Натлачена, который, предвидя раздел словенских земель между двумя или тремя государствами, считал необходимым сделать все возможное, чтобы Словения была оккупирована только Германией.

В ночь на 6 апреля 1941 г. без объявления войны германские войска начали наступление на югославских границах, днем фашистская авиация подвергла бомбардировке столицу Королевства Белград. Соппротивление в Дравской бановине длилось не более двух дней. Как только на границах Югославии начались военные действия, по инициативе Натлачена был образован Национальный совет Словении, в который вошли члены Сло-

⁴¹ Arhiv Republike Slovenija. AS 1898. Politični programi SLS. F. 5.

⁴² Группа офицеров ВВС во главе с командующим югославскими ВВС генералом Д. Симовичем свергла князя-регента Павла, на престол был возведен 17-летний король Пётр II, объявленный по этому случаю совершеннолетним. Члены кабинета Д. Цветковича были арестованы, образовано новое правительство (*примеч. ред.*).

⁴³ Arhiv Republike Slovenija. Dokumenti Slovenske ljudske stranke. AS 1898 f. 3.

⁴⁴ Kuhar A. Beg iz Beograda aprila 1941. Ljubljana; Washington, 1998.

⁴⁵ Arnež J. SLS 1941–1945. Ljubljana; Washington, 2002. S. 31–33.

⁴⁶ Godeša B. Slovensko nacionalno vprašanje med drugo svetovno vojno. Ljubljana, 2006. S. 210.

венской народной партии, Национальной радикальной партии, Независимой демократической партии и Национальной социалистической партии. Его председателем стал Натлачен. В то время создание Национального совета воспринималось представителями политической элиты как важнейшее событие, доказывавшее, что словенский народ «в решающие моменты может встать на защиту своих национальных интересов»⁴⁷.

Вскоре произошло то, чего так боялся Натлачен: Дравская бановина была оккупирована и разделена между тремя государствами: Германией, Италией и Венгрией. Большую часть словенских земель захватила Германия. Верхняя Крайна, Нижняя Штирия и часть Нижней Крайны номинально вошли в состав областей Каринтия и Штирия; Венгрия получила Прекмурье и словенскую часть Междумурья; Италия – Внутреннюю Крайну и большую часть Нижней Крайны с Любляной.

С первых же дней оккупации на захваченных землях произошли существенные изменения. В германской и венгерской зонах политическая жизнь полностью остановилась, поскольку оккупационные власти взяли курс на ассимиляцию словенского населения. С этой целью создавались профашистские организации, которые должны были распространять нацистскую идеологию и воспитывать новое самосознание. На территории Прекмурья также стали развиваться новые для этого региона политические партии и организации, имевшие провенгерский характер. Люблянская провинция осталась единственной частью оккупированной Словении, где словенская политическая жизнь не была полностью уничтожена. В отличие от венгерских и немецких оккупантов итальянские власти пытались с первых же дней заручиться поддержкой местного населения⁴⁸. 17 апреля Национальный совет формально передал власть в руки итальянского гражданского комиссара. Натлачен и другие представители Совета направили Муссолини в Рим благодарность «за корректное поведение итальянской армии в ходе оккупации словенских земель». В этом послании также выражалась надежда, что вся территория Словении в скором времени сможет перейти под юрисдикцию Италии⁴⁹. На это Муссолини ответил, что фашистская Италия уважала и будет уважать культуру словенского народа и что скоро словенцы получат автономию, схожую со словацкой. Но несмотря на провозглашение принципов «либерализма», с первых же дней итальянские оккупанты начали проводить денационализаторскую политику.

Судьба оккупированных территорий была предопределена. Рано или поздно захваченные земли должны были быть аннексированы. Первой аннексию осуществила Италия. 3 мая 1941 г. Люблянская провинция была провозглашена новой равноправной провинцией Королевства Италия. Главой провинции стал верховный комиссар, ему в помощь создавался совет – марионеточный орган, не обладавший какими-либо функциями, состоявший из 14 человек, выбранных из «передовых» слоев словенского населения. Возглавил его бывший бан Дравской бановины М. Натлачен. Совет просуществовал недолго и вскоре был распущен. Аннексия Прекмурья была осуществлена 16 декабря 1941 г. Согласно принятому закону, те, кто до 26 июля 1921 г. имел венгерское гражданство и потерял его в результате ратификации Трианонского договора, без особых формальностей восстанавливали свое венгерское гражданство. Что касается германской зоны, то, согласно проекту, разработанному нацистами, освобожденные земли Нижней Штирии должны были быть присоединены к государственной области Штирия, а земли Верхней Крайны включены в государственную область Каринтия. Однако для того чтобы осуществить аннексию, планировалось сначала германизировать население, что оказалось нелегкой задачей. Оккупационные власти пришли к заключению, что местное население недостаточно подготовлено к объединению

⁴⁷ Slovenec. 8.04.1941.

⁴⁸ Пилько Н. С. Словения под властью оккупантов (1941–1945) // Вопросы истории. 2006. № 1. С. 41.

⁴⁹ Mlakar B. Slovenski «meščanski» politični tabor in okupacija // Slovenska novejša zgodovina... S. 601.

с немецким народом, поэтому официальная аннексия была отложена на неопределенный срок.

Итальянские оккупационные власти уделяли внимание вопросам культуры и просвещения. Они разрешили двуязычие в школе, делопроизводстве, пресса продолжала выходить на словенском языке, преподавательский состав ни в школах, ни в университете не помещался. Вкладывались деньги в развитие инфраструктуры, в частности, строились детские площадки и детские сады, завершались начатые еще до войны архитектурные проекты. При этом медленно, но верно итальянские власти насаждали свою идеологию и культуру. Для контроля за настроениями населения создавались различные идеологические организации. Одним из крупнейших было объединение «ГИЛЛ» (Люблянская итальянская молодежь), в которое вступали дети от пяти до семнадцати лет. Не осталось неохваченным и студенчество – на базе Люблянского университета была создана так называемая Университетская организация. Для старшего поколения были организованы такие институты, как Союз сельских женщин, фашистская просветительская организация «После работы» и др.

Диаметрально противоположной была политика немецких оккупантов, ориентированная на тотальное искоренение всего, что носило словенский этнический характер. После оккупации словенские школы были закрыты, словенские преподаватели подлежали увольнению, их место заняли учителя из Австрии или местные немцы. Идея двуязычных школ не рассматривалась. Были арестованы все личные, школьные и публичные библиотеки, большинство архивов вывезено в Австрию и Германию. Подобная ситуация складывалась и в венгерской оккупационной зоне. В мае 1943 г. был издан указ об уничтожении всех словенских книг и учебников, словенских национальных архивов и библиотек.

В первые дни оккупации итальянская армия рассматривала Словению как вполне безопасный регион. Ситуация изменилась после 22 июня 1941 г. На следующий день на стенах домов Любляны появились надписи антигерманского и антиитальянского характера. По городу прокатилась волна манифестаций в поддержку Советского Союза. После нападения фашистской Германии на СССР состоялось заседание Центрального Комитета Коммунистической партии Словении, на котором было составлено воззвание к словенскому народу с призывом к объединению в борьбе против захватчиков. На этом же заседании был образован руководящий орган – Главный штаб словенских партизанских отрядов. 29 июня 1941 г. Антиимпериалистический фронт, созданный еще в апреле рядом видных словенских общественных и культурных деятелей Б. Кидричем, А. Беблером, Б. Зихерлом, Й. Видмаром, Ф. Козаком и др., был переименован в Освободительный фронт (ОФ) словенского народа. В это же время появляются первые партизанские отряды. После выступления И. Сталина 3 июля 1941 г., когда он впервые назвал начавшуюся войну отечественной, словенские коммунисты отодвинули на второй план идею империалистической революции. Главным врагом был провозглашен фашизм. Тогда же было принято решение о начале организованной войны. На заседании Центрального комитета КПС было принято решение создать руководящий орган – Верховный штаб словенских партизанских отрядов. Позднее, когда была установлена связь с центральными югославскими органами восстания, он был переименован в Главный штаб словенских партизанских отрядов.

В сентябре 1941 г. был образован Словенский народно-освободительный комитет. На заседании в Столицах (Сербия), где присутствовали представители штабов партизанских отрядов Сербии, Боснии и Герцеговины, Хорватии и Словении, было решено начать организацию регулярных воинских частей. Словенские партизанские отряды были включены в состав народно-освободительных отрядов Югославии (НОПОЮ). Теперь они подчинялись Верховному командованию Верховного штаба НОПОЮ.

3 октября 1941 г. в Люблянской провинции было введено военное положение. Спустя три дня началось первое итальянское наступление на партизанские отряды, длившееся 22 дня. Благодаря деятельности Разведывательной службы безопасности (ВОС) командование партизанских отрядов заранее получало информацию о предстоящих операциях.

Партизанское движение постепенно набирало силу. Мелкие нападения сменились более крупными и продуманными операциями. К концу 1941 г. итальянские власти осознали, что избранная ими тактика ошибочна. 11 сентября 1941 г., согласно указу № 97, в Люблянской провинции был создан чрезвычайный военный суд и введена смертная казнь. Но итальянское руководство не справлялось с поставленными перед ним задачами. Народно-освободительное движение набирало силу. В начале февраля 1942 г. Любляна была обнесена кольцом колючей проволоки, в апреле издан указ «О правилах ночлега в Любляне». Итальянские власти начали проводить массовые депортации. Общая численность переселенных должна была составить от 20 до 30 тыс. человек.

К апрелю 1942 г. партизанское движение стало организованным. Это привело к тому, что к концу июня 1942 г. партизаны контролировали две трети Люблянской провинции. В марте 1943 г. произошел целый ряд столкновений партизан с частями итальянской армии, в ходе которых за счет трофеев им удалось увеличить свой арсенал. В мае был полностью освобожден район Жумберак, что позволило значительно расширить очищенную от оккупантов нижнекраинскую территорию⁵⁰.

24 июля 1943 г. правительство Муссолини пало. 8 сентября 1943 г. Италия объявила о капитуляции. Вскоре Люблянская провинция была оккупирована германскими войсками и вместе со словенским Приморьем вошла в состав так называемой Оперативной зоны Адриатического побережья. Эта территория имела для немцев важное стратегическое значение, поскольку обеспечивала связь с войсками на Балканах и в Италии. Однако имеющихся в наличии военных сил для поддержания порядка на оккупированных территориях было недостаточно. Исходя из сложившейся ситуации, германский штаб обязали в кратчайшие сроки создать некую организацию по «самообороне населения от большевизма»⁵¹.

Германские власти не запретили словенский язык, разрешив использовать его в делопроизводстве до тех пор, пока чиновники в достаточной мере не овладеют немецким. Чтение лекций в Люблянском университете разрешалось на словенском языке при условии, что часть курса будет прочитана на немецком⁵². В октябре 1943 г. в Любляне открылась Немецкая академия, задача которой, согласно директиве Гитлера, заключалась в содействии населению в изучении немецкой культуры.

С первых же дней оккупации немецкие власти предприняли ряд мер для предотвращения возможных акций саботажа в городах и крупных населенных пунктах. Перед военными ставилась задача полностью ликвидировать партизанское движение. Наиболее опасной областью считалась территория между Любляной, Триестом, Видемом (Удине) и Трбижем.

К октябрю немцы смогли захватить города Ново-Место, Чрномель, Метлику и Кочевье. Кочевски Рог являлся одним из крупнейших центров партизанского движения. Там находился его штаб, девять партизанских больниц, различного рода мастерские и склады. Часть больных удалось спасти, остальные были уничтожены оккупантами. В результате наступления партизанское движение в этих областях потеряло целостность. Были ликвидированы

⁵⁰ Зборник докуменata и подataka o Narodnooslobodilačkom ratu Jugoslovanских народа. Београд, 1952–1953. Т. VI. Књ. 6. Док. № 8. С. 18–19.

⁵¹ Narodnooslobodilna vojna na Slovenskem. 1941–1945. Ljubljana, 1978. S. 567.

⁵² Зборник докуменata... Т. VI. Књ. 7. Док. 159. С. 358.

основные каналы связи между отдельными партизанскими частями, хотя полностью уничтожить партизан оккупантам так и не удалось.

Спустя два месяца после германской оккупации была введена обязательная воинская повинность для мужчин 1914–1919 гг. рождения. Помимо Вермахта, ее можно было исполнить в добровольных вооруженных отрядах словенского домобранства, представлявшего собой военную организацию, задача которой заключалась в поддержании «мира и порядка на оккупированных землях»⁵³.

В словенской печати о домобранской лиге впервые было объявлено 24 сентября 1943 г. Первый марш домобранцев по Любляне состоялся 3 октября 1943 г. Вскоре у домобранцев появляются свои печатные издания: «Словенско домобранство», «Словенски вояк», «Словенец», «Словенски дом», «Домолюб», «Словенски народ», «Гореньск и домобранец»⁵⁴. Немалую роль в создании Словенской домобранской лиги сыграл католический клир, ставший впоследствии одной из ее опор. В частности, большую заинтересованность в ее создании проявлял епископ Любляны Г. Рожман. На съезде духовенства, состоявшемся 12 июня 1944 г. в Любляне, он заявил, что домобранство – легальная власть, которая после падения Югославии «сделала своей главной опорой оккупантов... коммунизм для народа означает смерть, победа над ним – жизнь»⁵⁵. Использование оккупантами католической церкви в качестве идеологического инструмента воздействия являлось одной из особенностей оккупационной системы в Оперативной зоне Адриатического побережья. 20 апреля 1944 г. части Словенской домобранской лиги присягнули на верность «вождю Великой Германии». Епископ Рожман отслужил мессу перед присягой.

Весна 1944 г. стала началом нового этапа борьбы с оккупантами. Бои шли с переменным успехом, однако партизанской армии удалось отстоять большую часть освобожденной территории. В 1944 г. активизировалось партизанское движение в центральной и западной Штирии. Основная деятельность партизанских отрядов в этом районе сводилась к проведению акций саботажа⁵⁶.

В октябре 1944 г. германская армия начала массированное наступление на освобожденную территорию, которое длилось до конца 1944 г. Операция была спланирована так, чтобы разрушить единство словенских партизан и заставить действовать их в нескольких направлениях. В конце 1944 г. немецкая армия держала под своим контролем территорию Ново-Место – Гросупле, тем самым получив возможность для дальнейшего продвижения к реке Крка и в район Суха Крайна для объединения с частями, действовавшими в районе Рибницы и Кочевья. Однако к 4 мая 1945 г. Кочевье было освобождено. Отступая, противник попытался создать оборонительную линию в районе Рибницы, но уже 6 мая сдал эту позицию. Наступление частей партизанской армии на Люблянину началось 7 мая 1945 г. После продолжительных боев с использованием бронетехники и артиллерии 9 мая части НОАЮ вошли в город.

Словения после изгнания с ее территории оккупантов в мае 1945 г. изъявила желание стать частью новой Югославии, в которой руководящую роль взяла на себя Коммунистическая партия. Активист народно-освободительного движения Б. Кидрич в одном из своих выступлений отметил, что Словения не может быть свободной без поддержки сильной Югославии⁵⁷. 29 ноября 1945 г. на торжественном заседании Учредительной скупщины была

⁵³ Okupacijske sistemi na Slovenskem. 1941–1945. Ljubljana, 1997. Doc. № 68. S. 81–82.

⁵⁴ Arhiv Republike Slovenija. AS 1873 Gorenjsko domobranstvo, 1944–1945. F. 16.

⁵⁵ Mikuž M. Ljubljanski škof dr. Gregorij Rožman in njegova okolica v NOB // Ljubljana v ilegali. 1970. T. 4. S. 349.

⁵⁶ Klanjscek Z. Narodnooslobodilački rat u Sloveniji. 1941–1945. Beograd, 1984. S. 263–264.

⁵⁷ Kidrič B. Zbrano delo. Članki in razprave. Ljubljana, 1976–1978. Knj. 2. S. 294.

принята декларация о создании Федеративной Народной Республики Югославии⁵⁸. Монархия была ликвидирована, король и его семья лишены власти. С этого момента ФНРЮ провозглашалась союзным государством равноправных народов, добровольно решивших войти в его состав. Почти сразу же по окончании войны началась работа над созданием текста конституции нового государства. Ее окончательный вариант был принят в январе 1946 г. ФНРЮ провозглашалась объединением равноправных народов, которые выразили добровольное желание жить в едином федеративном государстве. Республиканские конституции были приняты в 1946–1947 гг. Каждая из республик имела свой парламент и правительство.

В конце 1946 г. было объявлено об окончании периода послевоенного восстановления и начале строительства социалистической экономики, что повлекло за собой ликвидацию частной собственности и создание новой системы экономических отношений. 5 декабря 1946 г. Скупщина Республики Словения в соответствии с решением центра приняла закон о национализации, согласно которому были ликвидированы почти все частные магазины, строительные фирмы, отели. Страна пошла по пути строительства социализма, предполагалось, что экономический механизм будет единым для всех. Такой подход к экономике сразу не устроил некоторые республики, прежде всего Словению и Хорватию. Это были наиболее развитые регионы страны, руководители которых полагали, что для них возможны индивидуальные планы развития. По мнению некоторых представителей словенских политических кругов, принцип уравниловки мог привести к деградации словенской экономики.

В 1947 г. начали ухудшаться отношения между СССР и Югославией. Разногласия совпали с началом холодной войны. Противостояние между США и СССР на международной арене становилось все более острым. Москва полагала, что сложившаяся международная ситуация должна способствовать росту взаимопонимания и сплоченности тех государств, которые входили в сферу влияния СССР. На совещании девяти коммунистических партий в Польше, состоявшемся в сентябре 1947 г., было создано Информационное бюро. Однако югославское правительство, которое стремилось к установлению своей гегемонии на Балканах, иначе видело свою роль. В январе 1948 г. из-за желания направить свои войска в Албанию отношения между СССР и Югославией обострились еще больше. Идея создания федерации или конфедерации государств Центральной, Юго-Восточной и Восточной Европы, предложенная Г. Димитровым, указала Советскому Союзу на опасность потери влияния в регионе, где лидирующую роль стремилась занять Югославия. В феврале 1948 г. состоялась встреча Сталина с югославской и болгарской делегациями. Советская сторона настаивала на необходимости подчинения Москве во всех вопросах, касавшихся внешней политики этих государств. Но 1 марта 1948 г. на заседании Политбюро ЦК КПЮ Й. Б. Тито высказал мнение, что в отношениях между СССР и ФНРЮ исчезла перспектива. Узнав об этом, Москва отозвала из Белграда всех военных советников и гражданских специалистов. На состоявшемся в Бухаресте летом 1948 г. совещании Коминформа была принята резолюция, в которой руководство КПЮ обвинялось в переходе на позиции «буржуазного национализма и в предательстве интересов рабочего класса». После этого Югославия оказалась в изоляции и была вынуждена идти на сближение со странами Запада⁵⁹. Что касается идеологической составляющей, то после разрыва отношений с СССР в стране начались чистки. В первую очередь они коснулись армии, полиции и членов партии, а затем и простых граждан. Около 55 тыс. человек предстали перед судом. Более 16 тыс. было помещено в лагерь на острове Голи-Оток. За критику режима был арестован ветеран словенских коммунистов Д. Густинич, начались аресты среди профессуры и студенчества.

⁵⁸ Deklaracija o proglašenju FNRJ / Od AVNOJa do Delegatske skupštine. Beograd, 1983. S.169.

⁵⁹ Пилько Н. С. Словенцы в составе Союзной федеративной республики Югославия // История Словении. М., 2011. С. 391.

Югославские власти, провозгласившие курс на строительство социализма, остались без поддержки СССР. Советская модель подверглась критике. Руководство страны стало искать новый путь развития, который бы не оттолкнул Запад и при этом не вовлек страну в холодную войну.

В 1950 г. Народная скупщина приняла закон, полностью изменивший систему управления государственными предприятиями, руководством которыми осуществляли теперь трудовые коллективы. Для управления создавались рабочие советы, члены которых избирали комитет управления и директора⁶⁰. Первые рабочие советы начали появляться уже в конце 1949 г. Особенностью новой системы стала также передача некоторых функций федерального правительства республикам. Ликвидировались отдельные федеральные министерства, на их месте создавались республиканские, и таким образом самостоятельность республик возрастала.

На VI съезде КПЮ, проходившем в Загребе 2–7 ноября 1952 г., Коммунистическая партия была переименована в Союз коммунистов Югославии. По мнению Тито, это название больше соответствовало идеям марксизма. На съезде было заявлено, что Югославия отходит от сталинского курса строительства социализма, а в качестве главной цели провозглашалось создание самоуправленческой социалистической модели. По словам югославских идеологов того времени, государство как централизованный механизм должно было отойти на второй план, а его место занять «цельная и прочно увязанная организация общества на основах самоуправления»⁶¹.

С изменением системы управления изменилась и конституция. В январе 1953 г. был принят конституционный закон, согласно которому главой государства становился президент. Им стал Й. Б. Тито. Вместо Веча национальностей было создано Вече производителей. Федеральное правительство переименовывалось в Союзное исполнительное вече. Исполнительные веча были образованы в каждой республике и наделялись той степенью самостоятельности, которая была необходима для выполнения возложенных на них функций. Федеральные министерства стали называться секретариатами. Высшими органами власти общин, городов и районов являлись народные комитеты.

В Словении в 1947–1955 гг. набрали мощь почти все крупные индустриальные предприятия, до 1980-х гг. остававшиеся основой словенской промышленности. Большинство предприятий находилось в городах – Любляне, Мариборе, Целье, Камнике. В 1954 г. начался сбор средств для отсталых и наиболее пострадавших во время войны предприятий Словении. Был создан специальный инвестиционный фонд, из которого выделялись средства для восстановления заводов в Приморье и Нижней Крайне. К 1956 г. промышленность заняла лидирующее место в экономике. Объем производства в два с половиной раза превысил показатели 1939 г.

В 1958 г. был принят новый пятилетний план. Политики старались сделать его реальным, трезво оценив практические возможности страны. Главной целью провозглашались рост производства и личного потребления, снижение внешнеторгового импорта и скорейшее развитие слаборазвитых регионов. Предложения словенской стороны о снижении союзных обязательств и введении новых принципов в разделе инвестиционных средств между республиками не были приняты во внимание. Словенское руководство раздражало, что при разделе инвестиций учитывались не экономические показатели, а политические интересы. Согласно новому плану, в Словении не предусматривалось строительство новых индустриальных объектов за исключением электроэнергетической отрасли. Экономический план развития республики на период с 1957 до 1961 г. сводился к обеспечению стабильного роста

⁶⁰ История южных и западных славян. М., 1998. Т. 2. С. 180–184.

⁶¹ Пашич Н. Общественно-политическая система СФРЮ. Белград, 1975. С. 36.

национального дохода ежегодно на 8 %. Уровень производительности промышленности следовало увеличить на 48 %, сельского хозяйства на 74 %. До 1961 г. импорт должен был вырасти на 11,5 %⁶². Однако и этот план не был выполнен. Промышленное производство, по статистическим данным, за 1957–1960 гг. возросло лишь на 10 %. Текстильное производство – традиционная отрасль словенской перерабатывающей промышленности – достигло только 70 % от уровня 1948 г. Значительно лучше дела обстояли в электроэнергетике, были построены гидроэлектростанция Ожбальт, теплоэлектростанции Шоштань и Брестаница. В середине 1950-х в городе Копер начал функционировать завод по производству мопедов; крупные вложения были сделаны в рудник Трбовле-Храстник и в заводы по производству бумаги в Количево и Вевче. В 1958–1959 гг. было решено модернизировать химическую промышленность. В июне 1960 г. при поддержке СССР начались разработки уранового месторождения на Жировском врху⁶³.

В середине 1950-х гг. изменилось отношение к сельскому хозяйству, которое до этого оставалось в тени. Основные вложения были сделаны в обновление парка сельхозтехники. От коллективизации как таковой югославское правительство отказалось. Делались попытки ввести систему самоуправления, и с этой целью снова стали организовывать так называемые «задруги» – коллективные хозяйства. В них к середине 1950-х гг. вступило около $\frac{2}{3}$ сельских хозяйств, что составило 92 тыс. крестьян⁶⁴. Была создана новая система хозяйствования, которая строилась на партнерских отношениях или кооперации и была призвана наладить сотрудничество между частными и кооперативными хозяйствами. В начале 1960-х гг. кооперативная система хозяйствования вовлекла в себя 44 % словенских сельскохозяйственных предприятий. Кооперативные хозяйства просуществовали до середины этого десятилетия и постепенно трансформировались в агрокомбинаты, на которые и легла ответственность за производство основной части сельхозпродукции.

После смерти Сталина в отношениях между СССР и Юго славией происходит потепление. В 1955 г. Н. Хрущев с советской делегацией посетил Белград. 2 июня Й. Б. Тито и Н. Булганин подписали так называемую Белградскую декларацию, которая нормализовала отношения между странами и признала право Югославии на свой путь строительства социализма. Новая фаза отношений была отмечена и Московским заявлением руководителей СССР и Югославии 1956 г. Однако отношения нельзя было назвать безоблачными. Югославия осудила действия СССР в Венгрии в 1956-м, в Чехословакии в 1968-м и в Афганистане в 1979 г.

В апреле 1958 г. в Любляне состоялся VII съезд Союза коммунистов Югославии, где рассматривался вопрос о межнациональных отношениях. В новой программе партии было решено уделить особое внимание национальному вопросу. Основополагающими принципами провозглашались уникальность, равноправие и право на самоопределение народов Югославии. Как отметил в своем выступлении словенский делегат, «Югославия – это федерация равноправных народов, и нет ничего предосудительного в том, чтобы уважать самостоятельное культурное развитие всех народов»⁶⁵. В программе также отмечалось, что равноправие касается и вопросов экономики и при этом оговаривалась необходимость предоставления финансовой помощи слаборазвитым регионам страны. Поскольку Словения являлась одним из наиболее интенсивно развивающихся членов федерации, Союз коммунистов республики принял решение, согласно которому она должна была способствовать

⁶² *Prinčič J.* Nova gospodarska politika in druga petletka 1956–1960 // Slovenska novejša zgodovina... S. 1001.

⁶³ *Prinčič J.* Razvoj gospodarstva do začetka šestdesetih let // Slovenska novejša zgodovina... S. 1002–1003.

⁶⁴ *Prinčič J.* Razvoj gospodarstva... S. 1007.

⁶⁵ *Režek M.* Program ZKJ // Slovenska novejša zgodovina... S. 991.

развитию более отсталых республик путем установления с ними активных экономических связей.

В начале 1960-х гг. Югославия вступила в фазу экономического кризиса, что обострило и без того непростые межнациональные отношения. Для обсуждения создавшейся ситуации в марте 1962 г. Тито созвал расширенное заседание исполнительного комитета Центрального комитета Союза коммунистов Югославии. Словению на нем представляли девять человек, среди которых были Э. Кардель, М. Маринко и Ф. Лескошек. Заседание не принесло результатов, а лишь еще больше обострило противоречия внутри правящей верхушки. Некоторые республики были обвинены в стремлении разрушить единство СКЮ и дестабилизировать обстановку в государстве. Вскоре состоялись заседания республиканских исполнительных комитетов. В Республике Словения оно прошло в конце марта 1962 г. Представители республиканского правительства заявили о неприятии вмешательства коммунистической партии в общественные дела и высказались против назначения на все главные посты только ее членов.

На заседании исполнительного комитета СКЮ в апреле 1962 г. Тито заявил, что в Словении разрастаются национализм и стремление к отделению, хотя недовольство республики экономической ситуацией и разделом инвестиций вполне понятно. 23 июля 1962 г. на пленуме ЦК Союза коммунистов Югославии он высказался за изменение отношения к слабо развитым республикам: «Нельзя требовать от Словении, чтобы она оставалась на уровне 1941 г. до тех пор, пока все другие республики не достигнут того же уровня. Но необходимо помочь отстающим в развитии, если мы хотим получать от них пользу. Чем больше будет иметь Словения, тем больше она сможет дать другим»⁶⁶.

Многие понимали, что для стабилизации ситуации в стране необходимо провести значительные преобразования в сфере экономики. Новая экономическая политика ставила новые цели: достижение более высокого уровня жизни, рост экспорта, стабильный внутренний рынок и увеличение материальной помощи менее развитым республикам. В мае – июне 1964 г. Союзная скупщина представила план развития отдельных отраслей промышленности. Экономическая реформа начала осуществляться в июле 1965 г. По словам заместителя председателя Союзного исполнительного веча Б. Крайгера, Югославия в своем развитии достигла той точки, после которой экономика закрытого югославского рынка не могла более успешно развиваться, поэтому главной целью реформы должно было стать его значительное расширение⁶⁷. Первая фаза реформ длилась до конца 1966 г. Ее последствия были весьма благоприятны. Остановился рост цен, повысились доходы населения и производительность труда, в промышленности началось использование новых технологий. 13 июня 1966 г. Союзная скупщина приняла новый Общественный план экономического развития Югославии на 1966–1970 гг. Это был первый план, который давал больше свободы регионам. В Словении с воодушевлением приняли известие об изменении экономического курса.

Однако к концу 1967 г. экономика оказалась перегруженной. Рост производства значительно снизился. Все чаще стали говорить о необходимости прекратить реформу и в 1971 г. она была свернута. Многие крупные промышленные предприятия Словении оказались на грани банкротства. Металлургические заводы продолжали функционировать только благодаря военным заказам. В итоге энергохимический комбинат Веленье был закрыт. Это решение принял словенский Исполнительный комитет, который с мая 1967 г. возглавлял С. Кавчич, придерживавшийся новой концепции экономического развития. По его мнению, необходимо было уделять особое внимание развитию тех отраслей промышленности, которые давали возможность быстрого оборота капитала. Кавчич полагал, что Словении

⁶⁶ Četrtri plenum CK ZKJ. Ljubljana, 1962. S. 11.

⁶⁷ Kardelj E. Problemi naše socijalističke izgradnje. Beograd, 1965. Knj. 6. S. 124–128.

не стоит наращивать строительство крупных промышленных объектов, для которых недостаточно ресурсов, а следует сосредоточиться на развитии банковских структур, туризме, транспортной инфраструктуре, торговле и науке. Словенские партийные функционеры некоторое время поддерживали эти идеи, однако призыв к рыночной экономике, стремление установить прямые экономические связи между республиками, предложение наладить торговые отношения с зарубежьем, минуя Белград, в итоге вызвали осуждение. На VII Съезде коммунистов идеи Кавчича были раскритикованы. После X съезда СКЮ партия снова начала активно вмешиваться во все сферы жизни, а идеологическая линия стала более жесткой.

В ноябре 1972 г. Союзная скупщина приняла решение о подготовке новой югославской конституции. Проект был создан к маю 1973 г. Его представлял Э. Кардель, на протяжении ряда лет остававшийся одной из ключевых фигур государства. Необходимость новой конституции он объяснил стремлением создать защитный механизм, призванный ликвидировать слабые места в системе самоуправления социалистической Югославии. Конституция была принята в 1974 г. – в 406 статьях были подробно прописаны основы организации общественно-экономической жизни. Она значительно расширила права союзных республик, которые в экономическом и государственно-политическом плане по сути превращались в независимые государственные образования. Это привело к тому, что единая экономическая система в стране перестала существовать. Теперь республики контролировали свыше половины цен на выпускаемую продукцию и стремились продавать ее по максимально завышенным ценам, что влекло за собой инфляцию.

Значительный урон экономике страны нанес нефтяной кризис 1978 г. и плохой урожай. Инфляция в это время приближалась к 30 %, а импорт превышал экспорт на 50 %. Подрыву экономики Югославии способствовал и большой внешний долг. С углублением кризиса усилились различия в уровне жизни республик, а это в свою очередь вело страну к новому более острому политическому и национальному кризису. Все силы были брошены на сохранение коммунистического режима, который начал терять почву под ногами. Югославская партийная верхушка усилила идеологизацию общества, что привело к массовому недовольству. Многие граждане усмотрели в ужесточении курса укрепление централизма, ведущего к ограничению свобод.

Смерть Тито в 1980 г. способствовала нарастанию экономического и политического кризиса. Несмотря на то что власти пытались стабилизировать ситуацию в стране, результата они не достигли. К тому же в силу вступил ряд непопулярных экономических законов, среди которых принятый мае 1983 г. Союзной скупщиной закон о социализации внешних долгов Югославии, согласно которому их теперь должны были выплачивать все республики, независимо от того, использовали они эти деньги или нет.

Кризис затронул не только экономику Югославии. По швам начала трещать вся югославская политическая система, что было вызвано также «цепной... реакцией нарастания национальных противоречий»⁶⁸. Критике подвергаются складывавшиеся на протяжении четырех десятилетий принципы югославского федерализма. Новое звучание приобретают укрепившиеся в 1970-е гг. идеи децентрализации и конфедерализма, носители которых все громче и громче заявляли о необходимости комплексного реформирования государственного устройства. Один из старейших коммунистов Словении Ф. Клопчич в 1983 г. заявил о том, что настал исторический момент для создания «словенской национальной программы», и через год представил ее. Программа Клопчича базировалась на принципах социализма, но предусматривала рост влияния республик в федерации.

В первой половине 1980-х гг. в публицистике, в художественной и научной литературе поднялась волна критики существовавшего порядка. «Критике подвергались уже не отдель-

⁶⁸ Волков В.К. Узловые проблемы стран Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 2000. С. 231.

ные перегибы, а югославский самоуправленческий социализм в целом, представавший фактически как разновидность сталинизма»⁶⁹.

Ряды оппозиционеров активно пополняет научная и творческая интеллигенция, в обществе растут либеральные настроения, начинают издаваться запрещенные ранее книги. В июне 1980 г.

60 словенских деятелей культуры, большинство из которых являлись преподавателями Люблянского университета, обратились к властям с идеей учреждения нового литературно-критического периодического издания – журнала, в котором «затрагивался бы широкий спектр общественных и культурных вопросов»⁷⁰. На согласование ушло два года – первый номер издания, названного «Нова ревия», увидел свет в мае 1982 г. В редакционный совет вошли поэты Н. Графенауэр, С. Макарович, Борис А. Новак, философ Т. Хрибар, литературный критик А. Инкрет, прозаик Д. Рупел. Главным редактором сначала выступил Хрибар, с 1984 г. – Графенауэр и Рупел. Журнал продолжил традицию словенских «вольных» изданий конца 1950-х – начала 1960-х гг. – «Ревии 57» и «Перспектив», вокруг которых в годы «оттепели» группировалась либеральная интеллигенция. Несмотря на то что официально «Нова ревия» имела подзаголовок «культурный ежемесячник», это было издание, не столько обращавшееся к проблемам культуры, литературы и искусства, сколько ведущее открытую полемику по общественно-политическим и национальным вопросам, которые касались как словенского, так и общегославского контекста, это был первый официальный орган политической оппозиции. Сотрудники журнала добиваются публикаций материалов, ранее не подлежавших огласке: военных писем поэта Э. Коцбека, дневников профессора Д. Пирьевца, воспоминаний в недавнем прошлом политзаключенного и диссидента Й. Пучника. С его страниц впервые в Словении публично прозвучали требования демократизации, введения многопартийной системы, установления конфедерации. «Нова ревия» стала одним из рычагов влияния на массовое политическое сознание, катализатором общественных перемен.

В начале 1980-х гг. активизировался и молодежный журнал «Младина», вскоре также ставший оппозиционным изданием. Его авторы затрагивали такие «неудобные» для официальных властей темы, как послевоенные репрессии и языковая политика. В это время лидирующей общественной силой выступает Общество словенских писателей, члены которого начинают активно участвовать в акциях в поддержку демократизации, национальных интересов, в частности, равноправия языков. В середине 1980-х гг. под эгидой Общества была создана Комиссия по защите мысли и слова, отстаивающая права человека, которую возглавил поэт В. Тауфер. Стремясь быть независимым от центра, Общество словенских писателей в 1986 г. впервые проводит международный литературный фестиваль авторов Центральной Европы «Виленица» с присуждением одноименной премии.

В 1986 г. по всей стране проходили съезды республиканских и областных органов Союза коммунистов. На многих из них происходила смена руководства: места старых руководителей занимали представители нового поколения. В апреле на X съезде Союза коммунистов Словении председателем ЦК СК Словении был избран М. Кучан. Особое внимание было уделено проблемам экономики. Новый председатель отметил, что государство «переживает самый глубокий из пережитых ранее кризисов. И нет ни одного оправдания для сохранения сложившейся ситуации»⁷¹. Словенские коммунисты выступали против конституционного сокращения прав республик, поскольку считали, что это ведет к воскреше-

⁶⁹ Никифоров К. В. «Карделевская Югославия» (1974–1990) // Югославия в XX веке. Очерки политической истории. М., 2011. С. 747.

⁷⁰ Gabrič A. Kulturniška «opozicija» podira tabuje // Slovenska novejša zgodovina... S. 1155.

⁷¹ Gabrič A. Na zahodu vzhodnega sveta // Slovenska novejša zgodovina... S. 1164.

нию централизма. Споры и разногласия с центром не оставили равнодушной общественность, особенно ее интеллектуальную элиту. В феврале 1987 г. группа авторов «Новой ревии» опубликовала в 57-м номере журнала свои предложения по программе национального развития под названием «Статьи на тему словенской национальной программы». Эти статьи содержали не только требования рыночных преобразований экономики и политического плюрализма, но и государственной независимости Словении, в которой их авторы видели демократическое многопартийное государство. Реализация этой национальной программы могла бы полностью изменить политическую ситуацию в регионе, предложения словенцев вызвали широкий резонанс не только в республике, но и за рубежом. При этом реакция и югославской, и словенской общественности была крайне неоднозначной. Согласно социологическому опросу 1986 г., до 60 % респондентов еще доверяло системе социалистического самоуправления и полагало, что выход из политического и экономического кризиса возможен лишь в рамках существующей политической системы СФРЮ⁷².

К чести тогдашнего руководства РС, несмотря на нажим со стороны Белграда, журнал не тронули. Позднее статьи с похожим содержанием были напечатаны в журнале «Младина». И центр решил сам усмирить словенцев как носителей «вируса разъединения», используя главный сохранившийся рычаг – армию. ЮНА (Югославская народная армия) в середине 1980-х гг. еще представляла из себя «государство в государстве», насчитывая до 260 тысяч военнослужащих. Весной 1988 г. военный трибунал начал «суд против четырех»⁷³ – процесс против трех журналистов еженедельника «Младина» и младшего офицера ЮНА, обвиненных в государственной измене: по некоторым данным, военный предоставил представителям прессы документ, содержащий особо секретную информацию о возможности применения вооруженных сил против Словении в «определенных условиях». Судебный процесс, проходивший в Любляне на сербохорватском языке, вызвал многочисленные публичные выступления словенской общественности. Акциями протеста руководил созданный И. Бавчаром Комитет по защите прав человека – неформальная организация, в рядах которой впоследствии родились идеи создания новых политических партий. Ежедневно перед зданием суда под лозунгом «Свобода, демократия, правовая безопасность!» проходили манифестации в поддержку обвиняемых, а также против вмешательства армии в политику. 21 июня состоялось самое массовое выступление (до 20 тысяч протестующих). Военный трибунал приговорил журналистов Я. Яншу и Ф. Заврла к полутора годам лишения свободы, их коллегу Д. Тасича к пяти месяцам, а младшего офицера И. Борштнера к четырем годам лишения свободы. В целом судебный процесс июля 1988 г. не только усилил протестные настроения в обществе, но и мобилизовал общественность на открытое противостояние властям.

В конце декабря 1987 г. Союзное вече Скупщины СФРЮ принимает Проект по изменению Конституции Югославии, который был представлен для всенародного обсуждения. Словенцы усмотрели в нем попытку ущемить их права. Политическая оппозиция Словении искала юридические пути изменения государственного статуса республики, ее положения и роли в составе СФРЮ. Одним из таких направлений стала работа над проектом новой (альтернативной) конституции республики. Им начали заниматься созданные на базе Общества писателей Словении и Словенского социологического общества комиссии, в состав которых вошли Т. Хрибар, Т. Першак, П. Ямбрек, В. Рус, И. Свет лик, М. Камушич, Ф. Бучар и Д. Рупел. Первоначальный вариант был опубликован в апреле 1988 г. в специальном выпуске Журнала научной критики, издававшегося университетской конференцией ССМС

⁷² *Vodopivec P.* Od Pohlinove slovnice do samostojne države. Slovenska zgodovina od konca 18. stoletja do konca 20. stoletja. Ljubljana, 2007. S. 475.

⁷³ *Габрич А., Ченич З.* Развитие словенской государственной идеи в 1941–1991 гг. // Словения. Путь к самостоятельности. М., 2000. С. 72.

(Союза социалистической молодежи Словении)⁷⁴. Однако несмотря на настрой отдельных республик, Скупщина СФРЮ в ноябре 1988 г. все же приняла тридцать девять поправок к основному закону, согласно которым центральное правительство получило право вмешиваться в деятельность республик и краев в случае невыполнения ими союзного законодательства.

В течение 1988 г. Союз деятелей культуры Словении провел в Любляне несколько круглых столов по вопросу о суверенитете республики. 11 января 1989 г. была учреждена первая оппозиционная партия Словении – Словенский демократический союз. В ее создании активное участие приняли недавний фигурант «суда против четырех» Я. Янша, председатель скупщины Словении Ф. Бучар, глава Общества писателей Словении Р. Шелиго и тогдашний редактор журнала «Нова ревия» Д. Рупел, который и возглавил СДС. В мае 1989 г. на многотысячном митинге в центре Любляны была принята Майская декларация – политическое заявление оппозиции в защиту национального суверенитета. В ней говорилось, что «открытая враждебность, которую в настоящее время испытывают словенцы в Югославии, убеждает... в наступлении переломного момента в истории и обязывает... в ясной форме высказать свою позицию... Мы хотим жить в суверенном государстве словенского народа... Будучи суверенным государством, мы будем самостоятельно решать вопросы о связях с югославскими и другими народами в рамках обновленной Европы»⁷⁵. При этом часть словенской политической элиты и интеллигенции не представляла будущего республики вне союзного государства и предлагала так называемую «ассиметричную» федерацию, которая бы позволила ее членам самим решать, каким образом проводить внутреннюю и внешнюю политику. Ими была составлена «Основополагающая хартия», также говорящая о необходимости соблюдения прав человека, словенского суверенитета и права на самоопределение, но при условии сохранения Югославии, которую следовало преобразовать в федеративное и демократическое объединение⁷⁶.

В сентябре 1989 г. словенский парламент принял ряд дополнений к новой словенской конституции. В них было отмечено, что Социалистическая республика Словения находится в составе СФРЮ на основе постоянного, целостного и неотъемлемого права словенского народа на самоопределение вплоть до отделения и объединения, и особо подчеркивалось, что впредь Словения будет сама решать вопрос о размере отчислений в государственную казну. Государственные власти больше не имеют права вводить чрезвычайное положение или применять чрезвычайные меры без разрешения словенского парламента. Скупщина Социалистической республики Словения сама будет определять курс международной политики; самостоятельно решать вопросы, касающиеся интересов республики в отношениях с иностранными государствами; контролировать деятельность службы государственной безопасности; регулировать вопросы и процедуры, связанные с реализацией права на самоопределение⁷⁷. Последний тезис особо оговаривался в поправке 71, которая предусматривала возможность проведения референдума трудящихся и граждан по вопросу о суверенитете Социалистической Республики Словении⁷⁸.

В 1988–1989 гг. начинается формирование многопартийной системы Словении. В ноябре 1989 г. оппозиционные организации и течения подписали соглашение об образовании оппозиционной коалиции, получившей название Демократическая оппозиция Слов-

⁷⁴ Впоследствии он был использован при создании дополнений к Словенской конституции, принятой Скупщиной Словении в сентябре 1989 г., и к Конституции Республики Словения, принятой 23 декабря 1991 г. (*примеч. ред.*).

⁷⁵ Майская декларация // Словения. Путь к самостоятельности... С. 106.

⁷⁶ *Vodopivec P.* Od Pohlinove slovnice do samostojne države... S. 494.

⁷⁷ Из конституционных поправок к Конституции Социалистической Республики Словении // Словения. Путь к самостоятельности... С. 137–138.

⁷⁸ Там же. С. 139.

вании, или ДЕМОС. В нее вошло шесть партий: Партия христианских демократов Словении, Словенская народная партия, Словенский демократический союз, Либеральная партия, Социал-демократическая партия Словении и Партия Зеленых Словении⁷⁹. Чтобы укрепить свое положение, оппозиция стремилась к созданию избирательной системы, которая позволила бы осуществить в республике идею парламентской демократии. Закон о новой системе выборов был принят 27 декабря 1989 г. Новая избирательная система предусматривала проведение прямых и тайных выборов по комбинированной избирательной системе.

20 января 1990 г. состоялся последний XIV чрезвычайный съезд Союза коммунистов Югославии, после которого он практически перестал существовать. Делегация Словении после отклонения ее требования о реорганизации партии на конфедеративных принципах покинула съезд. Без словенцев не стали продолжать работу депутаты от Хорватии и Боснии и Герцеговины. Союз коммунистов Словении был преобразован в Партию демократического обновления.

6 декабря 1990 г. был принят Закон о референдуме по вопросу о самостоятельности Республики Словении. Гражданам предлагался вопрос: «Должна ли Республика Словения стать самостоятельным и независимым государством?» Вариантов ответа была два: «да» или «нет». 23 декабря в Словении прошел плебисцит, в котором приняли участие 89 % граждан, имеющих право голоса. Согласно официальным данным, за независимость высказался 1 289 369 избирателей (88,5 %), против проголосовало 57 800 избирателей (4 %). 26 декабря 1990 г. председатель Скупщины на совместном заседании обеих палат провозгласил независимость республики.

Положение обострилось в мае 1991 г., когда истекли полномочия председателя Президиума СФРЮ⁸⁰. На этот пост претендовал представитель Хорватии С. Месич. Однако против его кандидатуры выступили представители Сербии, Черногории, Косова и Воеводины. В ответ Месич воззвал к международной общественности, обвинил Сербию в ущемлении прав хорватов и в стремлении создать Великую Сербию. По его мнению, единственным, что могло помешать «захватническим планам» Сербии, мог стать раздел страны. Скандал отвлек внимание от главных событий, происходивших в Хорватии и Словении, – от провозглашения независимости. В итоге под давлением международного сообщества Президиум проголосовал за Месича и 30 июня 1991 г. он стал главой государства. Однако к этому моменту Словения и Хорватия уже заявили о своем выходе из Югославии.

Первые многопартийные выборы прошли в Словении в апреле 1990 г. В них приняли участие 34 партии. Победу одержал оппозиционный блок Демократическая оппозиция Словении, получивший 55 % голосов и большинство мест в парламенте. Оставшиеся 114 мест поделили между собой представители Партии демократического обновления (бывшие коммунисты), Либерально-демократическая и Социалистическая партии. Премьер-министром Словении стал представитель словенского христианско-социального движения, лидер партии христианских демократов Л. Петерле. Пост Председателя Президиума Словении занял недавний глава Союза коммунистов Словении, член Партии демократического обновления М. Кучан.

Словенское руководство понимало, что центр не захочет добровольно отпустить республику, поэтому оно заблаговременно начало готовиться к вооруженному столкновению. За границей закупалось оружие, была создана собственная служба разведки. Словенская армия постепенно выходила из-под контроля ЮНА. 25 июня 1991 г. в день провозглашения независимости Словении словенское руководство взяло под свой контроль границы рес-

⁷⁹ Габрич А., Чепич З. Развитие словенской государственной идеи... С. 73.

⁸⁰ Президиум СФРЮ – коллективный орган, состоящий из восьми человек, который после смерти Тито осуществлял руководство страной. Коллегиальность руководства заключалась в ежегодном избрании нового председателя, согласно заранее определенной очередности, демократизм – в принципе консенсуса при принятии решений (*примеч. ред.*).

публики, воздушное пространство, порты. На КПП югославские государственные символы были заменены словенскими. Союзный парламент выступил с осуждением отделения Словении, признав эти действия незаконными, поскольку независимость была провозглашена в одностороннем порядке. Чтобы закрепить акт провозглашения независимости и привлечь внимание международной общественности, Президент Словении Кучан официально оповестил всех руководителей государств и генерального секретаря ООН о том, что Словения вышла из состава Югославии. В ответ рано утром 27 июня к границам Словении выдвинулись танки ЮНА. Руководство Словении мобилизовало 35 тыс. добровольцев и резервистов территориальной обороны, отдало приказ строить на дорогах баррикады и препятствовать продвижению армии. Возникла реальная угроза полномасштабной войны. Чтобы ее избежать, центру следовало отпустить Словению. Одним из самых напряженных дней стало 2 июля: ожидалось, что югославская армия начнет атаку с воздуха. В длившихся 10 дней боевых столкновениях, впоследствии получивших название «десятидневная война», по словенским данным, правительственные войска потеряли тридцать девять человек, Словения – девять (четыре военных и пятерых гражданских)⁸¹. 3 июля стороны заключили перемирие, 4 июля Президиум СФРЮ принял решение о возвращении к состоянию до 27 июня, потребовал прекращения огня и возвращения всех пленных. Война стала катализатором международного признания Словении⁸². 7 июля на острове Брионии состоялась встреча представителей Евросообщества с членами Президиума СФРЮ во главе с Месичем и представителями всех республик, кроме Сербии. Ее целью было создание условий для мирных переговоров. В итоге была принята Декларация о мирном разрешении югославского кризиса. Границы были восстановлены согласно состоянию, существовавшему до 25 июня 1991 г.⁸³

Скупщина Республики Словения приняла все положения Брионской декларации, выразив благодарность представителям Евросообщества за оказанную помощь «в миролюбивом разрешении югославского кризиса» и полное доверие «к добрым намерениям Европейского сообщества»⁸⁴. 12 июля 1991 г. после предварительно заключенного перемирия Президиум СФРЮ принял решение вывести войска из Словении. Окончательно все войска были выведены 29 июля 1991 г. В декабре 1991 г. была принята новая Конституция, в которой Словения провозглашалась демократической парламентской республикой. Главой и Верховным главнокомандующим государства становился президент, избираемый на пять лет.

В декабре 1992 г. прошли первые независимые выборы президента и депутатов в Государственное собрание и Государственный совет. На пост главы государства претендовало восемь человек, президентом был избран Кучан. Политические партии перед выборами столкнулись с целым рядом проблем. Раскол Словенского демократического союза привел к тому, что правящая коалиция ДЕМОС потеряла большинство мест в парламенте. Многие партии оказались не готовы решать проблемы, вставшие перед молодым государством, такие как падение производства, рост инфляции, снижение уровня жизни и безработица. В парламент прошло восемь партий: большинство получили Либерально-демократическая партия (ее глава Я. Дрновшек стал премьер-министром) и Словенские христианские демократы. Третье место заняла Партия демократического обновления.

Период перехода к рыночной экономике оказался для Словении довольно болезненным, особенно в первые три года. Был потерян главный потребитель словенской продукции – югославский рынок, а собственный рынок был еще слишком мал. Многие словенские

⁸¹ *Vojna za Slovenijo*. Ljubljana, 1991. S. 129.

⁸² *Гуськова Е. Ю.* Отделение Словении // Югославия в XX веке... С. 773.

⁸³ Брионская декларация // Словения. Путь к самостоятельности... С. 245–247.

⁸⁴ Решение и заявление Скупщины РС по поводу Совместной декларации // Словения. Путь к самостоятельности... С. 251–252.

товары не выдерживали западной конкуренции. Высокий процент инфляции привел к резкому падению уровня жизни населения страны. Изменения в системе оплаты труда привели к тому, что значительная его часть оказалась за чертой бедности. Существенно возросла безработица. Тяжелым бременем на экономике страны лежала выплата членам Лондонского клуба 18 % долга СФРЮ.

Главными задачами, которые ставило перед собой правительство, было обуздание инфляции, сокращение безработицы и выход на мировой рынок. В 1996 г. Словения вступила в Центрально-европейскую ассоциацию свободной торговли, за ключила ряд двусторонних договоров о свободной торговле с Латвией, Македонией, Литвой, Болгарией и Эстонией.

В декабре 1992 г. был принят закон о денационализации, его реализация началась в июне 1992 г. В процессе денационализации предусматривался возврат физическим лицам имущества, национализированного в годы существования социалистической Югославии. Кроме денационализации, в стране были проведены приватизация и банковская реформа. В соответствии с Законом о преобразовании формы собственности предприятий от 11 ноября 1992 г. в целях бесплатного распределения общественного капитала предприятий среди граждан Словении выдавались приватизационные чеки. Чек мог быть использован владельцем для получения акций либо пая на предприятии, где он работает, для приобретения акций предприятий, которые преобразовывали свою форму собственности.

После провозглашения независимости Словения ввела временную денежную единицу, на которую обменивали в банках югославские деньги по курсу 1:1⁸⁵. Уже в октябре 1991 г. Банк Словении ввел государственную постоянную валюту – толар и провозгласил его единственной действующей денежной единицей на территории Словении.

В конце 1990-х гг. правительство Словении начинает активную работу по присоединению страны к основным европейским экономическим структурам и структурам, обеспечивающим безопасность. Летом 1996 г. она стала ассоциированным членом Европейского союза. Этому предшествовал некоторый перелом экономической ситуации, произошедший в 1994 г. Внутренний валовой продукт вырос более чем на 5 %, инфляция была несколько снижена, экспорт товаров увеличился. Объем торговли со странами ЕС достиг 14 млрд долларов, в 1995 г. он составил 69 % от всей торговли Словении. Серьезными торговыми партнерами Словении стали Италия, Греция, Франция и Австрия⁸⁶.

После обретения суверенитета Словения стремилась стать полноправным членом мирового сообщества, добиться признания со стороны других стран. В 1992 г. ее независимость признали Россия, США и Евросоюз. В ООН республика вступила в мае 1992 г., членом Совета Европы стала в мае 1993 г. В марте 2004 г. Всемирный банк признал Словению первой развитой страной на бывшем постсоциалистическом пространстве Восточной Европы. В этом же году Словения первой из республик бывшей Югославии вступила в НАТО. Всегда ощущая себя частью Европы, Словения стремилась также как можно быстрее вступить в Европейский Союз. В марте 2003 г. состоялся референдум по вопросу о присоединении к ЕС, в котором приняло участие более 60 % населения, 89 % из которых проголосовало за вступление. 1 мая 2004 г. Словения стала членом ЕС, в 2007 г. присоединилась к Европейскому монетарному союзу. 21 декабря 2008 г. она вошла в Шенгенскую зону свободного передвижения, в первой половине 2008 г. возглавила совет Евросоюза.

В целом можно смело утверждать, что по сравнению с другими европейскими странами, изменившими в конце XX в. свое государственное, политическое и экономическое устройство, Словения прошла переходный период относительно благополучно.

⁸⁵ Natek K., Natek M. Slovenija. Geografska, zgodovinska, pravna, politična, ekonomska in kulturna podoba Slovenije. Ljubljana, 1998. S. 187.

⁸⁶ Гуськова Е. Ю. История югославского кризиса (1990–2000). М., 2001. С. 626.

Часть I

Литература первой половины XX в.

Литература межвоенного периода (1918–1941)⁸⁷

Конец Первой мировой войны стал для Словении очередным периодом испытаний и невзгод. Австро-Венгерская империя, в составе которой Словения участвовала в войне, истощала себя как государственное формирование, словенцы потеряли множество людей на фронтах (особенно кровопролитными стали для них бои в долине реки Сочы), и без того неэффективная экономика окончательно пришла в упадок. Общая подавленность, овладевшая европейской интеллигенцией после Ипра и Вердена, коснулась и словенцев. Старый мировой порядок рухнул; иллюзий относительно того, что какой-то новый окажется лучше, оставалось немного. На фоне этого духовного кризиса Словению охватила невиданная доселе волна эмиграции. Сотнями и тысячами уезжали крестьяне и рабочие в Западную Европу, США, Аргентину. Над словенцами нависла угроза утраты национальной самостоятельности. Оказавшись после войны осколком побежденной развалившейся Австро-Венгрии, Словения, не имевшая своей государственности вошла в состав Королевства сербов, хорватов и словенцев (впоследствии Королевство Югославия). Это вызвало положительный отклик у большей части населения (объединительные устремления во всех югославянских землях были на том этапе довольно сильны), однако новое государство, несмотря на декларируемый интернационализм, на деле оказалось моноцентричным. Идеология «интегрального югославянства», насаждаемая сербскими властями, ставила словенцев в положение «племени», а не полноправной нации, заставляла бороться за национальные институты и поддержание на достойном уровне собственной культуры. Впрочем, основное напряжение наблюдалось в сербско-хорватских отношениях; Словения, благодаря своей относительной языковой изолированности и периферийному географическому положению, до известной степени оставалась в стороне от самых ожесточенных национальных конфликтов.

На протяжении всей своей истории, а перед Первой мировой войной – особенно, словенцы остро осознавали свою политическую и культурную несвободу и стремились к суверенитету. Новый мировой порядок отчасти осуществил эти мечты, но действительность оказалась далеко не такой радужной, как ожидалось. В первую очередь рухнула надежда на объединение всех словенцев в границах одного государства. В состав Югославии вошла Прекмурская область – часть Паннонской долины, ранее принадлежавшая Венгрии; но за пределами нового государства осталось Приморье, отошедшее к Италии. Значительная часть словенских земель в бассейне реки Дравы и Караванских гор (Каринтия) оказалась спорной территорией, на которую претендовала как Австрия, так и новое югославское государство. В начале 1919 г. при содействии третьих стран была проведена демаркационная линия и определены зоны А и Б спорной территории, из которых зона А временно отходила под мандат Югославии, а зона Б – Австрии. В течение первой половины 1920 г. в Париже шли консультации о судьбе северо-западной Каринтии. В результате при содействии США и Франции в зоне А был назначен плебисцит; в случае победы проюгославских сил плебисцит должен был пройти и в зоне Б, в противном случае обе зоны автоматически ото-

⁸⁷ В основе разделов «Поэзия» и «Проза», написанных В. Сонькиным, – расширенный и дополненный материал его главы «Словенская литература» из книги «История литератур западных и южных славян. Т. III: Литература конца XIX – первой половины XX века (1890-е годы – 1945 год)». М., 2001.

дили к Австрии. По итогам голосования 10 октября 1920 года в зоне А за присоединение к Австрии было подано 22 тысячи голосов, за присоединение к Югославии – 15,3 тысячи. Югославия потеряла обе зоны. В Каринтии и в ряде словенских городов вспыхнули волнения, югославская армия 14 октября даже вошла на плебисцитную территорию, но уже 17 октября отступила по приказу Белграда.

В результате этих событий треть словенского населения оказалась за пределами нового государственного образования. Это привело к частичному национальному растождествлению приморских и каринтийских словенцев. Для Австрии политика национальной ассимиляции была привычным делом; для Италии она оказалась новшеством, однако зарождающийся фашизм ей в полной мере способствовал.

С экономической точки зрения в межвоенный период Словения все еще оставалась аграрной областью. Статистические данные за 1931 г. показывают, что в сельском хозяйстве было занято около 61 %, а в промышленности и ремесленничестве – не более 21 % населения. Кроме того, вследствие мирового экономического кризиса в 1930-е гг. количество рабочих не увеличивалось, напротив – росла безработица, все более многочисленным становился сельский пролетариат (батраки и пр.).

Идейная растерянность в первые послевоенные годы была ничуть не меньшей, чем экономический и политический кризис. Прежний мир, несовершенный, но, по крайней мере, казавшийся стабильным, разрушился. Надежды левых сил на мировую революцию тоже не оправдались – социальная и революционная активность масс, достигнув пика на рубеже 1910–1920-х гг., постепенно пошла на убыль. Набирали силу национальные и националистические течения. В конце 20-х гг. весь мир охватил затяжной экономический кризис, добравшийся даже до Америки и впервые доказавший существование общемировых экономических законов. 1930-е гг., в свою очередь, прошли в Европе под знаком набирающего силы фашизма, и практически любой мыслящий человек, а также любое государство были поставлены перед вопросом – как к нему относиться.

Во внутривнутриполитической жизни Словении определяющую роль играли три основных движения – католическое (Словенская народная партия), либеральное (Югославянская демократическая партия) и социал-демократическое (Югославянская социал-демократическая партия). В выборах в Скупщину в 1920 г., кроме названных, приняли участие и три новые партии: Независимая крестьянская партия, Коммунистическая партия Югославии и Национальная социалистическая партия. По результатам выборов СНП получила большинство голосов, на втором месте оказалась НКП. На крайне правом фланге располагалась национальная буржуазия, отчасти смыкавшаяся с официальным Белградом. Здесь же – официальная католическая церковь. Кроме официальных церковных кругов, существовала значительная прослойка младокатоликов, своего рода христианских демократов, выступавших за переосмысление религиозного и духовного опыта католической церкви и всеобщее моральное обновление. В области политики младокатолики занимали умеренные позиции, в области эстетики – от охранительных до довольно радикальных. В центре или немного левее центра находилась значительная часть нецерковной интеллигенции, отрицательно относившаяся к политике Белграда и выступавшая за национальную автономию в республиканской форме. Как всякое аморфное образование, в дальнейшем эта группа распалась, часть ее членов перешла на католические и охранительные позиции, часть – на сторону левых. На протяжении межвоенного двадцатилетия то одна, то другая из буржуазных партий брала верх – естественно, каждой из них приходилось делиться властью с великосербскими партиями. Либералам это удавалось с меньшими потерями, поскольку они выступали как сторонники «интеграции», в то время как клерикалы требовали большей автономии. В 1920 г. в Любляне была основана Коммунистическая партия. В этот лагерь впоследствии перешли многие национальные демократы и даже младокатолики.

Не следует упускать из виду, что в 1920 –е гг. Советский Союз с его сильной центральной властью, размахом культурно-просветительской работы, индустриализацией и кажущимся решением национального вопроса представлял довольно привлекательную модель для многих европейских левых, и разочарование пришло лишь гораздо позже. Однако у рабочих партий, включая коммунистическую, не было широкой социальной базы, и их влияние было ограниченным; переломить эту ситуацию им удалось только во время Второй мировой войны и оккупации Югославии.

Тем не менее словенская нация впервые в своей истории получила частичный суверенитет. В межвоенный период в Словении появился университет (1919), возникла Словенская академия науки и искусства (1938), ряд других учреждений общенационального значения.

Межвоенная словенская литература развивалась в атмосфере напряженных философских и идеологических споров. Традиционно влиятельная католическая церковь выступала со своей идейной программой и боролась против различных неидеалистических философских течений, в особенности против марксизма. Католические идеологи справедливо считали своими врагами как фашистов, так и коммунистов – и те, и другие стремились к минимализации роли церкви и религии. Весьма популярны в словенской клерикальной среде были в то время идеи экуменизма (объединения христианских церквей; в более узком смысле – только апостольских церквей, т. е. католической и православной), причем в Словению они пришли при посредстве русских религиозных философов В. С. Соловьева и Н. А. Бердяева. В этом процессе словенцам отводилась мессианская роль соединительного звена – этой тщеславной мысли не избежал, кажется, ни один славянский народ.

Словенские рураллисты («деревенщики») – как хрис тианской, так и социал-демократической ориентации – отстаивали тезис о «самобытной деревенской культуре», противопоставляя ее «цивилизации города»; они считали, что послевоенный идейный и духовный кризис может разрешить лишь влияние неиспорченного сельского духа. Идеология оказывала большое влияние на словесность, совпадая с представлениями консервативно настроенных литераторов о крестьянском, доморощенном «реализме».

Примерно с начала 1920-х гг. стала приобретать определенное влияние марксистская идеология. Если в 1920-е гг. марксизм в Словении еще находился на оборонительных позициях, то в 1930-е уже превратился в важную составную часть идеологической и литературной жизни. Ряд писателей и критиков восприняли его в качестве своей идейной базы – не без влияния таких авторитетных критиков-марксистов, как Ф. Меринг, Г. Плеханов, Д. Лукач. Следует подчеркнуть, что приверженность идеям марксизма вовсе не делала литератора автоматически ни коммунистом, ни даже сторонником коммунистов; неразрывное слияние марксистской идеологии и коммунистической практики по советскому типу произошло только в новой Югославии, после Второй мировой войны.

Идейная программа марксистов – как и многие другие идейные программы – была в основном отрицательно заряженной: антиклерикальной, антифашистской; марксисты выступали против идеализации крестьянства и настаивали на социологическом изучении литературы⁸⁸.

Идейный и духовный кризис, охвативший всю Европу после Первой мировой войны, требовал новых философских обобщений, новой структуры духовных исканий. В 1920-е гг. на словенских писателей значительное влияние оказала экзистенциально-религиозная философия С. Кьеркегора, несколько позже – К. Ясперса, Р. Гвардини и М. Хайдеггера. Католические теологи выступали против экзистенциализма. Психолог Антон Трстеньяк в статье «Философия смертельной болезни» (1939) указал на тот факт, что в этой философии,

⁸⁸ Необходимо отметить, что в 1930-е гг. в СССР вульгарно-социологический метод в литературоведении в его «рапповском» варианте уже был под запретом.

с ее представлениями об одиночестве человека, о невозможности взаимопонимания, о неизбежности смерти, о пограничных ситуациях и вечной вине, ищут идеологическую опору и идеологи фашизма (в частности, нацистский идеолог, один из ближайших сподвижников Гитлера Альфред Розенберг). С середины 1930-х гг. в Словении приобрел определенную популярность французский персонализм; представители этого течения выступали против клерикального христианства и «бесчеловечного», по их мнению, марксизма. «Индивидуальная психология» А. Адлера и, конечно, психоанализ З. Фрейда тоже оказали влияние на словенский литературный процесс.

Поэзия

Существенное влияние на развитие литературы по-прежнему сохраняли представители словенского модерна – течения, которое достигло расцвета в предыдущую литературную эпоху. Для его поэзии характерен глубокий лиризм, медитативность, патриотические и фольклорные мотивы, сложное переплетение элементов импрессионизма, символизма и реализма.

Отон Жупанчич (1878–1949) в начале межвоенного двадцатилетия издал сборник «На заре Видова дня» (1920), проникнутый оптимизмом, надеждами на лучшее будущее для всего словенского народа. В него вошла интимно-философская лирика 1908–1918 гг. – поэтическое осмысление бытия человека – рождения, жизни, смерти, окрашенная чувством радостного восприятия природы, гармонического слияния с ней («Тих этот край», «Озеро», «Золотые утра»). Однако поэту был не чужд и острый социальный пафос, как, например, в стихотворении «Гвоздильщики», где, благодаря выразительной звукописи воссоздана картина изнуряющего труда рабочих:

Горячая кузница дымом одета до полдня с рассвета, до полдня
с рассвета.

Вздох – взмах, вздох – взмах, вой бури в мехах, горячие гвозди
в глазах.
до вечера гвозди, гвозди в глазах.

(Перевод А. Суркова)

Тема рабочего класса приобрела в творчестве Жупанчича особый объем и размах, а его отточенная стихотворная техника, богатство используемых поэтических форм до сих пор остаются образцовыми в словенской поэзии. В рассматриваемый период были опубликованы также лирический цикл «Среди стогов» (1934) и историческая трагедия «Вероника Десеницкая» (1924). Новый творческий подъем в поэзии Жупанчича наступил в 1941 г., в пору борьбы с фашистской оккупацией.

Алойз Градник (1882–1967) в межвоенный период опубликовал поэтические сборники «Путь скорби» (1922), «Письма» (1924), «De profundis» (1926), «Светлые уединения» (1932), «Вечные источники» (1938), «Золотые лестницы» (1940). В первых сборниках он воспевал родные края, любовь, смерть, не был чужд социально-исторической проблематике. Сонетный цикл «Толминский бунт» (1921) привлекает внимание к героизму крестьян, проявленному в ходе восстания против итальянских феодалов в 1713 г. и жестоко подавленному властями. Поэзия Градника отчасти уходит корнями в модерн, отчасти уже окрашена в импрессионистические тона; он – поэт ярко выраженной национальной традиции (от Ф. Прешерна до Й. Мурна). Любовь и эрос – основные ее составляющие, впоследствии приведшие

поэта к размышлениям над проблемами смерти. Любовь для Градника – сильная и гибельная страсть, подобная смерти (и та, и другая – переход в неизвестное):

В пропасти твои с тревогой, с болью
всматривался и не мог смотреть,
и не ведал. Что ты стала, Смерть,
самою таинственной любовью.

(«*Eros – Tanatos*», перевод В. Корнилова)

Важное место в его лирике занимают также религиозно-христианские мотивы (сборник «Светлые уединения»). Для лирического героя характерно состояние просветления, покоя, умиротворения, он наслаждается красотой и гармонией природы, беседует с Господом (сонетный цикл «Разговор»). Символическая образность и мистицизм, присущие этим стихам, перекликаются с поэзией католического экспрессионизма. Позже поэт пришел к пантеистическому восприятию мира («Вечные источники»), задумался о духовных корнях крестьянской жизни и в форме своих произведений приблизился к фольклору. Так, сельский быт и образ жизни идеализируются в цикле «Крестьянин говорит» (1937). Впоследствии, отдав дань формальным исканиям экспрессионизма и фольклору, Градник вернулся к классической форме, в частности, к сонету.

Поэт, прозаик и публицист Фран Альбрехт (1889–1963) долгое время работал на административных должностях, в 1919–1920 гг. был редактором журнала «Свобода», в 1922–1932 гг. – журнала «Люблянский звон». В 1933 г. он стал одним из основателей и издателей литературно-критического журнала «Содобност». Во время Второй мировой войны был узником Дахау, после войны до 1948 г. занимал должность мэра Любляны. Как писатель Альбрехт опирался на творчество О. Жупанчича, чешского поэта П. Безруча, на философию Ницше и социалистические идеи. Он воспевал пантеистическое мироощущение, витализм, массовые движения, любовную страсть, проклинал ужасы войны (сб. «*Mysteria dolorosa*», 1917; «Песня жизни», 1920). Воплощая социальные мотивы, он приближался к экспрессионистам, много экспериментировал с формой стиха. Альбрехт сыграл важную роль в литературной жизни межвоенного двадцатилетия, в особенности как редактор крупных журналов. Занимаясь переводами, он познакомил словенцев со многими произведениями мировой литературы и критики (Ю. А. Стриндберг, Ф. Меринг, С. Унсет, К. Гамсун, Д. Лукач и др.).

Тонкая, ироничная любовная лирика Павла Голиа (1887–1959) тоже по-своему продолжала традиции словенского модерна. Голиа учился в кадетском училище, затем служил в австро-венгерской армии в Триесте и Любляне. Во время Первой мировой войны перешел на сторону русских и воевал в русской армии как доброволец. В 1918 г. жил в Москве, занимался журналистикой и театроведением. Вернувшись на родину в 1919 г., Голиа посвятил себя театральной деятельности, был директором разных театров по всей Югославии. В литературе он дебютировал как поэт, затем много писал и переводил для театра. Любовная лирика Голиа («Вечерний песенник», «Стихи о златовласках», оба сборника вышли в 1921 г.) пронизана эротическими мотивами, оптимизмом, иногда – ощущением усталости. Голиа высоко ценил ясность стиля и совершенство формы, придерживался классических форм, тонко чувствовал ритм. В драмах он показывал войну, крестьянский быт; нередко в его пьесах социальные мотивы и изысканный юмор, а в пьесах для детей – сказочные сюжеты («Вифлеемская легенда, или Король неправых», 1928; «Братоубийство на Метави», 1935).

В сложной, противоречивой идейной и культурной обстановке 1920-х гг. словенская литература развивалась внутри общеевропейского, общеславянского и югославянского литературного контекста. При этом каждая новая тенденция приобретала специфический национальный характер. Известное отставание словенской литературы от западноевропей-

ской в эту эпоху сократилось до минимума, но словенским литераторам все равно приходилось преодолевать некоторый разрыв. Поэтому те течения и направления в словенской литературе, которые по названиям и ряду других характеристик соответствовали западным, ни в коей мере не являлись их прямыми аналогами.

Это в полной мере относится к такому явлению, как экспрессионизм. Возникший в Германии еще до Первой мировой войны, питавшийся обстановкой острейшего социального кризиса, а затем – мировой войны, поставивший интерпретацию общественной действительности выше описания ощущений в духе импрессионизма, экспрессионизм тяготел к абстрактности, обнаженности чувств, эмоциональности, фантастике и гротеску. Словенскому экспрессионизму, который в основном выразился в поэзии, слабее в драматургии и почти не затронул прозу, тоже были свойственны все эти черты, но при этом экспрессионистские тенденции в творчестве некоторых словенских поэтов причудливо переплелись с отголосками модерна, с импрессионистским по духу ощущением природы, с призывами к активному изменению мирового порядка. Последнее, впрочем, сближало его с левым крылом немецкого экспрессионизма. Однако немалую долю местного колорита добавлял в литературу и тот факт, что Словения оставалась страной по преимуществу аграрной, а мировосприятие крестьянина и его связь с землей не может ни смягчить и ни видоизменить социальный протест, более резко проявившийся в литературе индустриальной страны, какой была Германия.

Понятие «экспрессионизм» было введено в культурный обиход словенцев в 1912 г. Критик и прозаик Изидор Цанкар в двух статьях в журнале «Дом ин свет» описал экспрессионизм как явление исключительно изобразительного искусства, противоположное импрессионизму и тяготеющее к абстрактности, к духовному содержанию. В 1920-е гг. частота употребления термина «экспрессионизм» применительно к литературе резко возросла и в католической, и в леволиберальной печати, после чего снова упала и продолжала падать до конца десятилетия. Многие литераторы и критики считали 1926–1928 гг. завершающими годами развития словенского экспрессионизма.

В публикациях 1920-х гг. словенский экспрессионизм в основном определялся как противоположность импрессионизму, натурализму, декадансу и т. д. Отправной точкой в развитии направления неизменно считали мировую войну. Видный литературный критик Роман Томинец (1900–1991) в статье 1922 г. «Несколько мыслей о нарождающейся словенской литературе» включил лирику М. Ярца, А. Водника и В. Тауфер в словенскую разновидность экспрессионизма.

Переводы не сыграли значительной роли в становлении словенской экспрессионистской литературы, хотя поэты М. Клопчич и Б. Водушек переводили стихи Э. Толлера, Г. Тракля, Ф. Верфеля.

Диапазон словенского экспрессионизма простирался от философско-католической лирики до поэзии открытого социального протеста и конструктивистских упражнений.

Заметными представителями умеренного, философско-католического течения в экспрессионизме были поэты, принадлежавшие к кругу христианско-социалистического журнала «Криж на гори» Божо Водушек и Антон Водник. Это издание стало первым серьезным печатным органом молодых образованных католиков. «Криж на гори» (1924–1927) подчеркивал необходимость личного духовного совершенствования, которое заложит фундамент нового справедливого общества.

Художественная литература в рамках этой программы, конечно, не стояла на первом месте; тем не менее подчеркивалась необходимость тесной связи литературы с жизнью. В журнале выступали М. Ярц (некоторое время вращавшийся в католических кругах), Б. Водушек, Т. Дебеляк, Й. Погачник, Э. Коцбек. Журнал, несмотря на очевидную католи-

ческую ориентацию, оказался достаточно терпимым, чтобы принять в свой круг писателей разных взглядов и поколений.

Божо Водушек (1905–1978) получил образование на философском, а затем на юридическом факультете в Любляне. Его поэзию 1920-х гг. отличали религиозные и философские мотивы. Уход от социальной проблематики компенсировался у Водушека пристальным вниманием к внутренней жизни человека, его взаимоотношениям с силами природы и с Богом. Примечательно, что в поэзии католических экспрессионистов характерные для словенской культуры в целом региональные и национальные черты были выражены слабо: конкретное отменялось ради вечных и неизменных ценностей. В 1930-е гг. Водушек сблизился с «новым реализмом» и стал использовать классические поэтические формы, в особенности сонет. Его «Расколдованный мир» (1939) остался в истории литературы как один из лучших сборников словенской поэзии первой половины XX в.

Антон Водник (1901–1965) уже в студенческие годы играл важную роль в католическом молодежном движении. Он был бессменным редактором журнала «Криж на гори», в 1930–1932 гг. участвовал в редактировании журнала «Дом ин свет», где публиковался с 1920 г., а впоследствии стал главным редактором издательства «Югослованска тискарна» в Любляне (до 1941 г.). В начале творческого пути Водник выступал как экспрессионист, не чуждый интереса к декадансу и символизму; в его творчестве чувствовалось влияние М. Метерлинка, Р.-М. Рильке, О. Жупанчича). Позже стихи Водника стали более живописными, а эротическую чувственность сменила пантеистическая. В историю литературы Водник вошел как «гармоничный экспрессионист». Первый поэтический сборник «Печальные руки» (1922) стал одной из вершин словенского религиозного экспрессионизма. Стихи Водника полны видений, ярких красок, отстранения от реальности, аскезы и затаенного эротизма. В более поздних сборниках («Вигилии»⁸⁹, 1923; «Через сады», 1941) Водник обратился к теме смерти – желанного пограничного состояния между явью и небытием. В конце 1920-х – начале 1930-х гг. он полемизировал с критиком и литератором Й. Видмаром (1895–1992), который считал, что искусство не должно служить никакому мировоззрению, поскольку оно само по себе – высшая форма мировосприятия; Водник же полагал, что искусство – один из глубочайших способов выражения веры. В области языка и стиля он был консервативен, даже свободный стих у Водника сильно ритмизирован. Музыкальность его стиха, тонкость вкуса и богатство стилистической палитры оказали влияние на поколение «поздних» экспрессионистов конца 1930-х гг., разрабатывавших пессимистические мотивы (Ц. Випотник, Й. Удович).

К творчеству экспрессионистов-католиков примыкает поэзия Мирана Ярца (1900–1942), который, однако, по принципиальным соображениям не принадлежал ни к одному из кружков, так как считал подобную ограниченность недостойной художника. Тем не менее в своем отношении к экспрессионизму он в основном был близок к группе «Крижа на гори», хотя и пришел к богоискательским тенденциям «нового искусства» (его любимое выражение) собственным путем. Ярц изучал славистику и романистику в Загребе и Любляне, до фашистской оккупации работал в банке, во время войны был отправлен в концлагерь, затем освобожден партизанами. Присоединившись к ним, погиб (пропал без вести) в августе 1942 г.

Ярц писал и прозу, и пьесы, однако основных успехов достиг в лирике, в сборниках «Человек и ночь» (1927), «Ноябрьские песни» (1936) и «Лирика» (1940). В ранних сти-

⁸⁹ Виги́лия (от лат. *Vigilia* – бдение) – всенощное бдение, общественное богослужение в Католической церкви, продолжающееся от захода солнца до рассвета и предполагающее бодрствование всех его участников. Обычно проводится в канун праздников (примеч. ред.).

хах Ярц выражал чувство потерянности и экзистенциального ужаса человека, застигнутого «европейской ночью»:

Человек умирает заброшен, один.
Где ты, где ты,
Бог, о, Бог!

(«Музыка на тонущем корабле»)

Источник бед и страхов Ярц видел в рационализме и позитивизме (разум у него выступает как враг чувства, естественности), а «узничество» человека переходит в его поэзии из социальной категории в общечеловеческую («Человек и ночь»):

Куда...
О странный миг – никого – среди хаоса я одинок, одинок...
Для чего же я вылез, я выполз из бездны и тьмы, для чего?

Этому же ощущению подвластна любовь:

Я руку не могу тебе отдать:
я дерево, растущее в пустыне.

При этом в ранних произведениях Ярцу не удалось вывести свой стиль, стих, язык из-под влияния рациональных, логических построений. Он стремился к словотворчеству, к максимальной абстрактности описываемых переживаний. В середине 1920-х гг. поэт испытал душевный и стилистический перелом. От эсхатологических картин и ощущения одиночества он пришел к гармонии с природой, к чувству покоя и умиротворения, да и одиночество перестало представлять столь пугающим. В его лирике появились социальные мотивы, стали звучать горькие слова в адрес словенцев («мы дети страха, мрака и молчанья»), наметилась национально-патриотическая тенденция. В своих последних стихах Ярц одновременно искал в природе спасения от разрушительной рефлексии («В поле») и осознал свою спаянность с собственным народом и его общественной жизнью. От тактовика и свободного стиха «Человека и ночи» Ярц пришел к мелодичному ямбу, строгим формам (в том числе сонету) и последовательной рифмовке.

Другой заметной группой поэтов-экспрессионистов были литераторы ярко выраженных левых взглядов: М. Клопчич, Т. Селишкар, А. Подбевшек. Миле Клопчич (1905–1984) даже не завершил образования, поскольку был арестован за коммунистическую деятельность. Его стихи вошли в антологию югославской социалистической лирики «Книга товарищей» (1929), за что в следующем году он подвергся судебному преследованию. Клопчич был одним из самых ярких поэтов социального протеста межвоенного периода. В сборнике «Пламенеющие оковы» (1924), написанном в память о В. И. Ленине, лирическая исповедь революционера, готового отдать жизнь ради переустройства мира, создана под влиянием идей Октябрьской революции. Стихи этой книги пронизаны духом пролетарского интернационализма (отдельные стихотворения посвящены Карлу Либкнехту и Розе Люксембург), верой в победу пролетариата, носят ярко выраженный агитационный характер – многие из них предназначались для публичной декламации перед рабочими. Для ранней поэзии Клопчича, пожалуй, наиболее характерно следование одному из принципиальных тезисов экспрессионизма, согласно которому, являясь не просто эстетическим феноменом, но и проявлением нового мироощущения, экспрессионизм базируется на разрыве со «старыми» принципами художественного творчества. В определенном смысле Клопчича можно

назвать последователем лидера и теоретика немецкого экспрессионизма К. Эдшмида. В стихотворении «Удар на удар» через символику ритма, отказ от «лишних» слов и любых «красивостей» формы, подчеркнутую простоту структуры стиха поэт сублимирует революционный футурологический пафос обновления мира:

Мы куем: день за днем.
В этом горне ночи сгорят —
и проснется пролетариат.

Мы куем: удар на удар.
И каждый удар — дар:
земной обновляется шар!

(Перевод Г. Ефремова)

В 1930-е гг., начиная со сборника «Простые стихи» (1934), Клопчич перешел на позиции «новой реальности»⁹⁰. Клопчич был одним из крупнейших словенских переводчиков и популяризаторов поэзии: именно в его переводах словенская молодежь знакомилась с немецкой (Г. Гейне, Б. Брехт) и русской (А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов, А. А. Блок) поэзией.

Тоне Селишкар (1900–1969) в своих ранних стихах (сб. «Трбовле», 1923) описывал подневольный труд и страдания шахтеров в духе социально (и социалистически) ориентированного экспрессионизма, в том числе прибегая к широким, ярким мазкам, библейской образности, визионерству. Намеренно отвергая благозвучие, поэт искал контрастные резкие оттенки, его порой нерифмованный стих подчеркнуто угловат и тяжеловесен. В то же время в его поэзии чувствуется тяготение к народной поэтической традиции. Так, стихотворение «Семеро детей» из вышеназванного сборника имеет черты народной баллады, а финальное риторическое воззвание к Христу ассоциируется с элементами фольклорной адаптации библейских мотивов, присутствующих в народном творчестве словенцев на протяжении нескольких веков:

Когда явился первый сын на свет,
в саду, одетом в яблоневый цвет,
над сыном мать склонялась с колыбельной.

Но время шло, и появился брат
у маленького. И отец был рад
и, пьяный, по щеке жену погладил...

Когда у них заплакал третий сын,
как червь, из неизведанных глубин
печаль вошла к ней в сердце и осталась.

Когда же сын четвертый был рожден,
отец, трудом безмерным изможден,
кровоточил корой своих мозолей.

⁹⁰ В словенской литературе 1930-х гг. это реалистическое направление левой ориентации, название которого связано с немецким «Neue Sachlichkeit», получило также наименование «социальный реализм» (*примеч. ред.*).

Когда седьмой явился в этот дом,
он проклят был пропойцею-отцом.

Со скорбью подхожу к Христу на Клецце:
скажи мне, о, Христос, придет ли час,
когда, рожденьям всем безмерно рада,
мать будет с песней сыновей качать?

(Перевод А. Гатова)

В 1930-е гг. Селишкар в идейном плане сблизился с представителями «новой реальности» («Песни ожидания», 1937), тематика же – тяготы пролетарской жизни – не изменилась. От свободного стиха ранних сборников Селишкар перешел впоследствии к традиционному стиху, даже к сонету. Он один из самых крупных словенских детских писателей: в межвоенный период вышли детские повести «Руди» (1929), «Братство синей чайки» (1936), «Буревестник» (1939) и др.

Среди экспрессионистов, сочувствующих левым идеям, одним из самых радикальных экспериментаторов в области формы был Антон Подбевшек (1898–1981), автор первого словенского манифеста экспрессионизма «Политическое искусство» (1922), в котором основополагающим провозглашается принцип революционной классовости литературы. Редко у кого из словенских авторов того времени можно встретить такой яркий, обличительный антивоенный пафос, как в его сборнике «Человек с бомбами» (который был подготовлен в 1922 г., но из-за цензурного запрета вышел три года спустя). Одноименный цикл из этой книги несет в себе настроение духовного кризиса «потерянного» поколения, у которого война отняла молодость и которое жаждет реванша:

Вкруг замёрзших и впалых спин обвилились детские руки
и кричали:
Отче!
В испарине тела – туман и пот – и откуда-то слышен паровоза
Шип, будто змеи шипенье.
Бог хочет!

(Из цикла «Человек с бомбами», перевод Н. Стариковой)

Главные темы Подбевшека – война, духовный кризис межвоенного поколения, опасность, грозящая человеку со стороны бездушной техники. В лирике Подбевшека конкретные картины ужасов войны перемежаются абстрактными, фантастическими видениями. Человек, разорвавший оковы нынешнего мира, становится «человекобогом». Для стихов Подбевшека характерна насыщенность технической терминологией (для подчеркивания ощущения современности); среди его формальных экспериментов – «графические» стихи: тексты с чередованием стиха и прозы. Он отказался от рифм и ритма, писал свободным стихом, но в области метафорики оставался сравнительно традиционен. Его «ассоциативные» произведения были близки к поэтике сюрреализма. В сотрудничестве с Т. Селишкар и А. Церквеником Подбевшек в 1922 г. издал два номера экспрессионистского журнала «Рдечи пилот» (объявленный «провозвестником крушения существующего порядка»), однако позже отошел от социалистической деятельности и активного литературного творчества.

Словенский экспрессионизм левой, прореволюционной ориентации достиг своего наивысшего выражения в творчестве Сречко Косовела (1904–1926). Этот поэт прожил очень короткую жизнь, однако именно в его творчестве с максимальной глубиной и зрелостью

проявились лучшие черты экспрессионистской поэзии: глубина чувства, социальный протест, философское видение мира, формальная изощренность.

Косовел родился в Приморье. Стихи он начал писать еще в школе, в 1922 г. стал издавать вместе с товарищами журнал «Лепа Вида», в 1924 г. основал литературно-драматическую группу «Иван Цанкар», начал сотрудничать с журналом «Младина», в котором публиковал и стихи, и эссе. В 1925 г. он подготовил первый поэтический сборник «Золотая лодка», но по неизвестным причинам не стал его издавать. Умер от менингита, будучи студентом Люблянского университета. Читатели и критики смогли осознать значимость и масштаб его дарования только после первых (посмертных) публикаций его поэтических сборников (1927, 1931).

В ранних стихах Косовел выступает как региональный поэт приморского Краса, воспевающий родной край, но он быстро вырастает из этого регионализма, обретает широту взглядов. В более поздних стихотворениях, написанных в форме модернизированного сонета и других нетрадиционных стиховых формах, Косовел выражал стремление к социальной справедливости. Многие стихи Косовела были проникнуты трагическим мироощущением, осознанием обреченности прежнего мира. В смелых видениях он предрекал гибель буржуазной культуры («Экстаз смерти», «Трагедия на океане» и др.):

Все в экстазе, экстазе смерти!
Златоколонный запад Европы, белые церкви – (все в экстазе!)
тонут в багровом, клокочущем море;
солнце садится, и с ним угасает мертвый дотла человек
европейский.
Все в экстазе, в экстазе смерти!

Косовел был не только выдающимся поэтом, но и одной из ключевых фигур литературной жизни той эпохи. Он всегда хотел основать свой журнал. Цанкаровский кружок, душой которого был Косовел, вступил в 1925 г. в деловые отношения с органом аграриев-либералов «Младина» (1924–1928); несколько позже из-за конфликта соратники Косовела Б. Крефт, А. Гспан и В. Кошак были вынуждены выйти из-под опеки аграриев и самостоятельно издавать свой печатный орган под названием «Свободна младина» (1928–1929). До Косовела «Младина» была антикоммунистическим изданием; встав во главе журнала он идейно переориентировал журнал: статьи и эссе звали к единению людей труда, борьбе с мировым империализмом, к всеобщей любви и братству. После его смерти журнал долго не просуществовал. К концу 1920-х гг. идейное единство «младинцев» уже не было столь прочным, а от перспективы напечататься в престижных журналах «Люблянски звон» или «Дом ин свет» трудно было отказаться. Раскол и распад «Младины» довершила едкая, хотя и несколько односторонняя критика А. Оцвирка (1907–1980), появившаяся в журнале «Словенец». Оцвирк зачислял «младинцев» в наследники «революционного» направления – т. е. хаоса, несостоятельности, политической тенденциозности, абстракций и нездорового, мистического обожания цивилизации, полагая, что искусство они рассматривают только сквозь призму «научного» марксизма. Критик, безусловно, отнесся к Косовелу и его единомышленникам односторонне и пристрастно. Впрочем, далеко не все «младинцы» были марксистами и социалистами, что и показали их дальнейшая жизнь и творчество.

В 1967 г. в Словении был опубликован ранее неизвестный поэтический цикл Косовела, написанный в 1925–26 гг., – «Интегралы 26» – своего рода конструктивистские упражнения, не имевшие аналогов в межвоенной словенской поэзии.

Навоз – это золото и золото – навоз и то и другое = 0

0 = ∞

∞ = 0

A B <

1, 2, 3

У кого нет души, не нуждается в золоте, у кого есть душа,
не нуждается в навозе

1 A.

(«Конс 5»)

Эта публикация вызвала новый всплеск интереса к жизни и творчеству Косовела, так как продемонстрировала читателям самый смелый и авангардный поэтический эксперимент межвоенного двадцатилетия. Связь Косовела с конструктивизмом не дает покоя исследователям, и до сих пор полной ясности в этом вопросе нет. Похоже, что Косовел не был непосредственно знаком с идеями и творчеством русских литераторов-конструктивистов (И. Сельвинского, К. Зелинского, А. Чичерина, В. Инбер), а познакомился с ними опосредованно – в частности, через творчество сербских авангардных поэтов, выступавших под общим названием «зенитисты».

В 1920-х гг. словенский экспрессионизм получил некоторое организационное оформление. Проблемы поэтики, эстетики и идеологии движения активно обсуждались в литературных объединениях, из которых наиболее значительную роль играла группа Косовела, формировавшаяся вокруг журнала «Младина» и литературно-драматического кружка «Иван Цанкар», а также журнал «Криж на гори».

Программные взгляды Косовела наиболее ярко проявились в манифесте «Кризис» (1925), который он опубликовал в журнале «Младина» (1925/26, № 23) и несколько раз читал публично. Косовел относит начало европейского экспрессионизма еще к довоенным временам: «В ожидании войны родилось новое искусство. Оно родилось в злоеющей тишине, разрешившейся кровопролитием»⁹¹. В его определениях, которые относятся в основном к области идеологии, а не поэтики, видны структурные особенности раннего экспрессионизма – враждебное отношение к цивилизации, технике и индустриализации. Одновременно с этим в манифесте присутствуют идеи мессианско-утопического экспрессионизма: человек как олицетворенный «этос», новое обновленное человечество, освобождение человека, человек человеку брат. Звучит и близкая каждому словенцу мысль о принадлежности к малому народу, находящемуся под угрозой физического уничтожения, которая, естественно, отсутствует в немецком экспрессионизме. Стиль манифеста близок к поэтике Цанкара.

Взгляды экспрессионистов католической ориентации на основные проблемы нового направления наиболее отчетливо выразил Тине Дебеляк (1903–1989) в своей статье «Косовел» («Криж на гори», 1926/27, № 3). Вторая ее часть – некролог, в первой же автор устанавливает сходства и различия между «Младиной» и «Крижем на гори», чтобы максимально четко определить это литературное течение. Дебеляк с легкостью оперирует понятиями мессианского экспрессионизма, активизма, определением Ф. Вер феля «добрый человек». Переходя к анализу словенского экспрессионизма («литературной революции»), Дебеляк ограничивает область применения этого термина исключительно движением, сплотившимся вокруг «Крижа на гори» и в меньшей степени – творчеством других католических писателей. «Мистико-религиозные основы» современного человека ведут его к экспрессионизму, «коммунистическо-марксистские» – к пролетарскому искусству. По его мнению, как «Криж на гори» представляет собой ядро словенского экспрессионизма, так «Младина» – ядро сло-

⁹¹ Kosovel S. Kriza // Slovenski literarni programi in manifesti. Ljubljana, 1990. S. 70.

венской пролетарской литературы; литературная вершина словенского экспрессионизма – творчество братьев Водников⁹², литературная вершина пролетарского искусства – Тоне Селишкар. Разграничения Дебеляка базируются на критерии отношения к массам – персоналистское в «Криже», коллективистское в «Младине». В сущности, Дебеляк выдвинул в качестве основной характеристики экспрессионизма именно то, что было характерно для журнала «Криж на гори» с первых лет существования. Из подобным образом понятого персонализма вытекает отношение к эротике как к искушению, к симптому вечной раздвоенности души и тела, которую следует преодолеть при помощи религиозной или мистической трансценденции.

Дебеляк приписывал пролетарскому искусству реакцию сопротивления всему индивидуальному, классовую ненависть, страсть к разрушению, социальную тенденциозность. При этом он не нападает на пролетарское искусство, даже не полемизирует с ним, признавая за ним «огромную этическую высоту», а также давая ему ряд характеристик, которые современное литературоведение связывает в первую очередь с экспрессионизмом, например, «всечеловеческую любовь» и крик в качестве выразительного средства. Для Косовела Дебеляк делает исключение: его эссеистика по направленности не совпадает с поэзией, поэтому Дебеляк готов признать ее «мистико-религиозные» литературные основы и тем самым условно причислить к экспрессионизму.

В межвоенную пору в литературе впервые выступил поэт, значение которого выходит далеко за рамки рассматриваемого периода и словенского экспрессионизма, – Эдвард Коцбек (1904–1981). Свою литературную карьеру он начал как представитель католического экспрессионизма. Еще в школьные годы он участвовал в сборах католической молодежи, в 1920-е – учился в Мариборской семинарии. В это время его общественные взгляды вполне сложились: он выступал за тотальную аграрную реформу, за близость к земле как основе духовного возрождения и против уравнительного коммунистического братства. Коцбек отвергал пассивное созерцание и выступал за деятельное участие в общественной и духовной жизни. После завершения обучения в семинарии он изучал романистику в Любляне, Берлине, впоследствии – в Лионе и Париже. В 1938–1941 гг. он редактировал журнал «Деянье», в котором само название предлагало читателю включиться в общественную и народную жизнь. Он призывал сограждан и писателей спуститься после долгих лет беспорядочных духовных исканий на твердую почву реальности. Политизированная современность, считал Коцбек, требует от человека участия в политической и общественной жизни, но это участие может быть только результатом личностного духовного роста. Выполнение своей миссии в обществе – это обязанность, а неотъемлемым правом человека при новом общественном устройстве должна быть духовная свобода. В силу этих причин Коцбек отвергал «единственно верное учение», считая, что марксизм – тоталитарная доктрина, а новому обществу нужен плюрализм.

Объем и финансовые возможности журнала «Деянье» были скромными. Теме не менее в нем публиковались поэты Л. Станек, Й. Удович, А. Водник, А. Градник, В. Тауфер и, конечно, сам Коцбек; критики Ф. Водник (член редколлегии), Т. Логар, А. Слодняк и многие другие. В журнале живо обсуждались новости славянской и европейской литературы, театра, политики, искусства, науки и философии.

Коцбек стал одним из руководителей Освободительного фронта словенского народа в годы оккупации, работал в Исполкоме ОФ в качестве лидера христианской группы. До 1950 г. он занимал важный государственный пост, позже был вынужден уйти в отставку, поскольку не был согласен с партийной линией, и долгие годы провел в опале.

⁹² Брат поэта Антона Водника литератор Франце Водник (1903–1986), впоследствии известный переводчик, также начинал в русле экспрессионизма (*примеч. ред.*).

Коцбек – уникальный в словенской литературе поэт-мыслитель. Идеи экзистенциализма и персонализма, в особенности взгляды С. Кьеркегора, оказали на него огромное влияние. Нонконформист и вольнодумец, он не был готов воспринять ортодоксальную церковную доктрину, так же как и марксистскую. В послевоенные годы Коцбек-эссеист пытался примириться с марксизмом, видел в нем «этическое вдохновение», но не мог простить ему атеизма, материалистического мировоззрения. Он считал, что марксизм и христианство в будущем объединятся благодаря схожему ощущению вечности и истории.

В межвоенный период Коцбек опубликовал лишь один поэтический сборник – «Земля» (1934). В нем преобладают три основных идейных мотива: Земля, Бог, Смерть. Лирический герой одновременно пытается слиться с изначальным ритмом мира и страстно вслушивается в собственные ощущения и духовные порывы. Вещи, предметы и особенно сама Земля в этих стихах мифологизируются, личное лирическое пространство расширяется до пределов Вселенной. При этом в «Осенних песнях» много реалистичных, простых картин, хотя и затуманенных подчас изысканно-экзистенциалистской концовкой:

В лесах силки расставил тайный Бог, никто ловитвы избежать не мог.
Из дома в лес, из леса снова в дом, круговорот повсюду и во всем.

В сборнике «Земля» Коцбек постоянно возвращается к детству и к таинству слова, символами которого выступают ветхозаветные пророки и Орфей. Большинство критиков признало эту книгу одним из самых значительных поэтических сборников межвоенного двадцатилетия.

В 1930-е гг. экспрессионизм перестал быть живым литературным направлением, отошел в прошлое – с этим были согласны практически все критики. М. Клопчич и Т. Селишкар выпустили сборники, где в центре оказались страдания и мечты рабочих («Простые песни», 1934 и «Песни ожидания», 1937); И. Груден (1893–1948) показал великолепие природы Приморья и духовную красоту населяющих этот край простых людей (сборник «Двенадцатый час», 1939). В творчестве ряда поэтов-экспрессионистов (М. Ярц – «Ноябрьские песни», 1936; Б. Водушек (1905–1978) – «Расколдованный мир», 1939) существенно усилились социально-критические мотивы. Наступило время осмысления. В капитальном «Обзоре словенской литературы» (1934) А. Слодняк касается экспрессионизма бегло и без сочувствия, лишь допуская возможность, что попутчиков словенского модерна «привлекали иностранные образцы», в том числе манифесты футуристов и экспрессионистов.

В 1935–1936 гг. писатели левых взглядов – И. Брнчич, Б. Фатур, В. Павшич – нанесли решительный удар по экспрессионизму. Возможно, на их взгляды повлияло директивное утверждение социалистического реализма в СССР (1934), возможно, они оглядывались на недавний разгром немецкого экспрессионизма, предпринятый Д. Лукачем. Так или иначе, Брнчич агрессивно осудил словенский экспрессионизм; интересно, что он отнес к этому направлению исключительно современную католическую лирику – в точности как Т. Дебеляк десятью годами ранее. При этом Брнчич полностью отдавал себе отчет в том, что эстетические установки католической лирики не претерпели со времен модерна существенного изменения. Можно предположить, что он принял одностороннюю и необоснованную классификацию своего идейного противника, только чтобы одним ударом расправиться с двумя врагами в литературе – экспрессионизмом и католицизмом. Одновременно он вывел из-под удара писателей левого фланга М. Клопчича, Т. Селишкара и др. При этом Брнчич причислил к экспрессионистским произведениям и сборник «Земля» Э. Коцбека – несмотря на то что большинство критиков относили его к «новой реальности».

Б. Фатур и В. Павшич, в отличие от коллеги, не ограничились включением в экспрессионизм поэтов-католиков; Фатур считал экспрессионистами А. Подбевшека, М. Ярца, А. Вод-

ника, Т. Селишкара и осудил направление как «антисоциальное и негуманное». В. Павшич от советской критики воспринял расплывчатую категорию «декадентского искусства», поэтому его выступление носит более общий характер и основывается на психиатрических терминах: «больные нервы», «патологические комплексы», «болезненное настроение», «дегенеративная романтика».

В 1938 г. к двадцатой годовщине образования югославского государства ряд литературных критиков обратились к анализу и оценке развития современной словенской литературы; при этом, разумеется, нельзя было обойти вниманием и экспрессионизм. А. Оцвирк помещает словенский экспрессионизм в рамки 1918–1928 гг. и называет его «революцией поэтической формы». Ф. Водник считает, что словенский экспрессионизм закончился в 1934 г. с выходом «Земли» Коцбека. Для него это направление также революционное – «эпоха перелома». Водник разделял словенский экспрессионизм на религиозный и социальный; второй «вскоре стал исходной точкой нового поэтического творчества», т. е. «новой реальности» или социального реализма.

Споры о месте и значении экспрессионизма в словенской литературе не утихают по сей день; свидетельство тому – многочисленные статьи и монографии А. Слодняка, М. Боршник, Ф. Петре, Ф. Задравеца, Л. Легиши, Л. Краля, международный симпозиум по экспрессионизму в словенской литературе (1984)⁹³ и неугасающий интерес новых поколений специалистов к этому периоду.

Проза

1920-е гг. прошли в словенской литературе под знаком поэзии. Словенский экспрессионизм не был богат прозаическими произведениями, и в этой области литературы самый заметный след оставил романист и драматург Иван Прегель (1883–1960). Он изучал германистику и славистику в Вене, затем преподавал в ряде словенских гимназий. Для его творчества характерно соприкосновение с особенностями христианской барочной литературы и словенской готикой. Католическое течение в экспрессионизме тоже оказало на него значительное влияние. Прегеля считают наиболее выразительным словенским прозаиком-экспрессионистом; в 1920-е гг. он снискал репутацию «самого современного словенского писателя». В своих литературных взглядах Прегель придерживался традиционных католических концепций и остался им в основном верен, несмотря на богоборчество и ряд еретических высказываний. В лучших своих прозаических произведениях Прегель проявил себя новатором в области формы и стиля. Он описывал жизнь как фатальное соединение инстинктов, религиозной мистики и свободной воли. Одним из частых мотивов его творчества стал внутренний конфликт священника, разрывающегося между плотскими инстинктами и церковными предписаниями. Самый плодотворный период в творчестве Прегеля – 1914–1923 гг., когда он переживал острейший духовный и религиозный кризис (романы «Тлачане», 1915–1916, во второй редакции – «Толминцы», 1927; «Последний бунтарь», 1918–1919, во второй редакции – «Штефан Голя и его родня», 1928; «Plebanus Joannes», 1920; «Проповедник Ерней», 1923). В «Толминцах» с эпическим размахом и документализмом представлена картина крестьянского бунта 1713–1714 гг. в Толмине на западе Словении. В этом одном из последних словенских восстаний приняло участие до 6000 крестьян, требовавших свобод и привилегий, якобы данных им императором Максимилианом I после крестьянских волнений начала XVI в. Выступления были жестоко подавлены властями, зачинщики публично казнены, у многих отняли землю. В романе история массового бунта крестьян, высту-

⁹³ Obdobje ekspresionizma v slovenskem jeziku, književnosti in kulturi: tipološka problematika ob jugoslovanskem in širšem evropskem kontekstu. Ljubljana, 1984.

павших против местного феодала графа Коронини и ужесточения системы налогообложения, проецируется автором на библейский сюжет. Во главе восставших стоят двенадцать апостолов «толминской правды» (йогров), протестантов, которые «получили наставления от первых учеников Христа. Среди них есть и свой Иуда, из-за предательства которого большинство бунтарей были схвачены и приняли мученическую смерть ради сохранения жизни большинства. Идея жертвенности и мессианства «малого» народа видится автору неотъемлемой частью национального самосознания. Прегель был истинным мастером исторической стилизации, которая в его произведениях проявлялась на всех уровнях, от бытового до стилистического и языкового. Историческая основа произведений парадоксально сочеталась в его творчестве с религиозными, теологическими, психологическими и сексуальными проблемами, характерными для XX в. Позже Прегель создавал барочные по духу тексты с более развитым и динамичным сюжетом (повесть «Истории врача Музника», 1923–1929, роман «Магистр Антон», 1929–1930). За этим вновь последовал период кризиса, расчетов с самим собой. После 1933 г. Прегель беллетристики не писал; по окончании Второй мировой войны жил уединенно, не проявляя общественной и творческой активности.

На рубеже 1920–1930-х гг. в словенской литературной жизни произошли значительные изменения. Центр тяжести переместился из поэтического творчества в прозу; экспрессионизм в основном сдал позиции различным направлениям реализма; вектор идейной ориентации значительной части литераторов сильно сдвинулся влево. В литературных группировках и представляющих их журналах усилилась идейная и политическая дифференциация, приведшая к расколу некоторых ведущих изданий. Поскольку литературные журналы играли особенно важную роль в культурной жизни Словении в 1920–1930-е гг., значение этого факта трудно переоценить. Одним из проявлений этого стал скандал в редакции журнала «Дом ин свет». Его выпускало католическое издательство, представители которого хотели иметь возможность влиять на редакционную политику. В 1920-е гг. серьезных разногласий между издателями и редакцией не возникало, однако положение изменилось после ряда статей критика-марксиста И. Брнчича (1912–1943) и особенно ряда публикаций Э. Коцбека («Одному из ограниченных», 1935, – попытка убедить идейных противников в узости буржуазного кругозора и необходимости жертвовать бесплодной статикой ради плодотворной динамики; «Размышление об Испании», 1937, – страстное осуждение буржуазного духа как главной ереси современности, вероломного, лицемерного отказа от высших ценностей; эта статья заставила католических публицистов определить свое отношение к фашизму и осудить его). Сначала католические идеологи действовали словом (А. Ушеничник «О статике и динамике», журнал «Час», 1935); затем, после нескольких неудачных попыток прийти к согласию, издательство стало оказывать прямое давление на журнал. В дело вмешался епископат, потребовавший введения в журнале внешней церковной цензуры, но сотрудники отказались принять это предложение. В результате в 1937 г. выпуск журнала был приостановлен, и большая группа литераторов во главе с Коцбеком ушла в «Деянье». Выпуск «Дома ин света» был возобновлен спустя год под редакцией Й. Дебецеца. В первом номере обновленного журнала редактор описал бурные события предшествовавшего года и выступил за прекращение всех «идеологических споров, которые не касаются непосредственно искусства». Отколовшуюся группу материал Дебецеца не устроил, и они издали брошюру «“Дом ин свет” в 1937 году» с собственной версией событий. Несмотря на ожесточенность нападок, уход из уважаемого журнала с давней традицией и устоявшейся репутацией был для многих писателей весьма болезненным.

Похожая ситуация сложилась и в другом влиятельном литературном журнале – «Люблянски звон». В 1930-е гг. он несколько отклонился влево – как, впрочем, и все либеральные политические силы Словении. Часть сотрудников журнала покинула редакцию, на их место пришли новые люди – М. Боршник, А. Слодняк, Й. Краньц, Р. Инголич, И. Брнчич, М. Кра-

нец. А. Оцвирк писал в статье, посвященной 50-летней годовщине журнала, что идеологическая база обновленного «Люблянского звона» – это связь с народом, свобода творчества, верность истине, уважение к личности, главный же критерий отбора текстов – их художественное качество. Иностранные социальные теории Оцвирк отвергал как неприемлемые для Словении.

Бывшие постоянные авторы «Люблянского звона» Ф. Альбрехт, Ф. Козак, Й. Видмар основали собственный журнал «Содобност» (1933–1941). Он уже не был исключительно литературным – редакторы чутко относились к текущим политическим событиям. Критики и политики левых взглядов, в том числе будущие коммунистические лидеры Словении Эдвард Кардель и Борис Кидрич, писали в «Содобности» о международном положении, об экономической отсталости Словении и Югославии в целом, о фашистской угрозе, о преимуществах советского пути развития. Критик Б. Зихерл в статье «О реализме в литературе» (1941) выступал за социалистический реализм в духе решений Первого съезда советских писателей 1934 г. Из поэтов в «Содобности» публиковали свои произведения М. Клопчич, В. Тауфер, Б. Водушек, П. Голиа, И. Груден. Однако наиболее значительные достижения журнала – прозаические произведения Ф. Бевка, М. Кранца, Ц. Космача и в особенности Прежихова Воранца, которого «Содобност» открыла словенскому читателю.

Свой собственный литературный орган был и у коммунистов – основанный в 1932 г. журнал «Книжевност» (1932–1935). Несмотря на название, в нем появлялось сравнительно мало беллетристики, гораздо больше было эссе, рецензий, обзоров полемической направленности. Авторы «Книжевности» высмеивали «мелкобуржуазное философствование», «трансцендентальную» тягу к духовной свободе, любую литературу, которая не выступала с позиций диалектического материализма и исторической обусловленности, журналы противоположных направлений, в особенности «Содобност». Редакторы Б. Крефт, Э. Кардель, Й. Пахор учили словенских писателей – Л. Мрзеля, М. Кранца, Т. Селишкара – как писать правильную, партийную (в ленинском смысле) литературу, ставили им в пример Максима Горького и других советских авторов. «Книжевност» просуществовала три года, после чего необходимость в ней отпала: коммунисты и сочувствующие им литераторы получили беспрепятственный доступ в бывшие «буржуазные», но теперь сильно полевевшие – и несравненно более авторитетные «Люблянский звон» и «Домин свет». При этом функции марксистского литературного журнала приняла на себя «Содобност», во главе которой в 1935 г. встал Фердо Козак (1894–1957).

Представители левой, марксистской критики оценивали 1930-е гг. как плодотворный и прогрессивный этап в развитии словенского реализма. Например, Иво Брнчич (1912–1943) в своих темпераментных, убедительных статьях резко выступал против декадентских, идеалистических течений в словенской литературе («Словенская послевоенная католическая лирика», 1935; «Мысли о поэте-лирике», 1941). Он подчеркивал необходимость сочетания реалистического подхода к действительности на марксистской основе и глубокой проработки психологических характеристик персонажей в художественной литературе. Вместе с тем Брнчич выступал против ограничительных тенденций современной ему пролетарской литературы, против неоправданного сужения тематики.

Брнчич был не только выдающимся критиком, но и одаренным поэтом и драматургом (в 1956 г. вышел его посмертный сборник «Баллада. Избранная лирика, проза и драма»). Его личная судьба сложилась трагически: из-за коммунистических взглядов он не смог получить преподавательскую работу в Словении, в начале Второй мировой войны оказался в Хорватии (по отцу был хорват), был мобилизован фашистским государством НГХ⁹⁴ и послан

⁹⁴ Независимое государство Хорватия, 1941–1945 (примеч. ред.).

в Боснию; дважды пытался перейти к партизанам и во время второй попытки был убит четниками.

Несмотря на популярность в Словении новейших литературных течений, позиции традиционного реализма здесь сохранялись, хотя он и не представлял в словенской литературе 1930-х гг. монолитной, единой школы – писатели, считавшие себя реалистами, зачастую находились на диаметрально противоположных позициях идеологического и эстетического спектра.

Определить понятие «реализм» эстетически было нелегко еще и в XIX в. В 1920–1930-е гг. о реализме много и напряженно спорили Д. Лукач, А. Зегерс, Б. Брехт и другие писатели и критики. В течение первого послевоенного десятилетия в словенской критике понятие реализма было весьма размытым и зачастую смыкалось то с символизмом и модерном, то с экспрессионизмом. Словенские литераторы в общих чертах соглашались с тем, что реализм не ограничивается прозой, что он возможен и в драматургии, и даже в лирической поэзии. Однако большая часть попыток дать определение реализму заключалась в тех или иных социально-идеологических построениях; никто не описывал реализм как способ художественного мышления, как стилевое направление. Более того, само понятие реальности получало различные толкования в зависимости от того, от кого оно исходило – от литераторов-католиков или от литераторов-социалистов. Однако традиционный реализм, хотя и был потеснен в межвоенное время другими направлениями, как реалистическими, так и нереалистическими, все же не сдал окончательно своих позиций. К нему можно отнести творчество писателей Ф. Бевка и Ю. Козака.

Франце Бевк (1890–1970) участвовал в Первой мировой войне, сражаясь на Восточном фронте. После 1918 г. он работал журналистом в Любляне, а с 1920 г. жил в основном в Приморье. Его культурно-политическая деятельность неоднократно служила предлогом для репрессий и арестов со стороны итальянских властей. Бевк – самый плодовитый словенский писатель. Он начал писать еще перед войной, попробовав себя не только в прозе, но и в драматургии, однако развернулся в полную силу в межвоенный период (роман «Знамения на небе», 1927–1929). В основном его произведения отличали простой, реалистический стиль и развернутые фабулы, а их тематика касалась главным образом жизни людей в Приморье. Национальная проблематика всегда выступала на первый план, что было крайне важно для приморских словенцев, находившихся под итальянской оккупацией. Проза Бевка включала практически все жанры, от зарисовок и новелл до повестей и романов; в его творчестве преобладают краткие формы (и даже романы у него тоже по преимуществу короткие). По сравнению с 1920-ми годами, когда Бевк в основном разрабатывал в прозе критические, пограничные (как сказали бы позже, «экзистенциальные») ситуации, в 1930-е гг. его внимание сосредоточилось на драматизме и психологической насыщенности повседневной жизни. В это время возможности для публикации словенских книг в Приморье резко сократились. Реакцией писателя на национальное притеснение словенцев стал роман «Капеллан Мартин Чедермац» (1938), в котором показано самоотверженное сопротивление словенского священника в фашистской Италии, воспротивившегося запрету богослужения на родном языке. Одновременно с созданием произведений на современные темы Бевк пишет исторические повести и романы – не имея возможности говорить о бесчинствах итальянских фашистов в родном краю, он ищет аналогии в далеком прошлом народа (повести «Умиравший бог Триглав», 1930, «Сторожевые огни», 1931). Уже в межвоенный период Бевк заслужил авторитет и как автор книг для детей и подростков. Популярность писателя в Словении была и остается такова, что его можно без всяких преувеличений назвать народным писателем.

Юш Козак (1892–1964) в отличие от Бевка больше тяготел к эссеизму. В студенческие годы он был членом антиавстрийской молодежной организации «Препород»; в начале Первой мировой войны некоторое время провел в тюрьме, затем воевал на русском фронте

и на фронте у реки Сочи. В межвоенное время преподавал в люблянкой гимназии, редактировал «Люблянски звон» (1935–1941) и книжную серию «Словенске поти» (1932–1934). Козак сформировался под сложным влиянием модерна, экспрессионизма 1920-х гг. и «нового реализма» 1930-х гг. В своих романах («Шентпетер», 1931), повестях, новеллах, автобиографических текстах, эссе, путевых заметках Козак выступает чаще всего не так рассказчик, а как интеллектуал-эссеист, которого беспокоят социальные и национальные проблемы. В автобиографическом романе «Камера» (1932) и в сборнике рассказов «Маски» (1940) Козак проявил блестящий дар писателя-портретиста, создав ряд запоминающихся филигранных психологических портретов, которые раскрывали перед читателем сложную внутреннюю жизнь его героев.

Особое место в словенской литературе межвоенного периода занимает прозаик и драматург Владимир Бартол (1903–1967). После окончания Люблянского университета (1925), где будущий писатель изучал биологию, философию и психоанализ, Бартол стажировался в Сорбонне, увлекся там трудами Ф. Ницше и З. Фрейда, что и определило его дальнейший интерес к психологии личности и ее роли в обществе. Вернувшись в начале 1930-х гг. в Словению, Бартол как автор и редактор сотрудничал во многих периодических изданиях, в том числе в журнале «Модра птица» (1929–1941). Во время Второй мировой войны был одним из секретарей пленума ОФ Словении по культуре, после войны работал в театре драмы в Любляне. Прозаическим дебютом Бартола стала стилизованная под старину новелла «Дон Лоренцо де Спадони» (1933), в центре которой демонический герой, несущий окружающим зло. Этот же тип героя характерен для его главного произведения – романа «Аламут» (1938), синтезирующего черты исторической, философской и психологической прозы.

«Аламут», в переводе с фарси «орлиное гнездо», – средневековая крепость, расположенная на южном побережье Каспия, где на базе шиитской секты исмаилитов на рубеже XI–XII вв. была создана первая школа профессиональных наемных убийц-смертников. Именно о ней упоминает в своей «Книге» (1298) итальянский путешественник Марко Поло. Ставший в 1090 г. наместником крепости Хасан ибн Саббах или Сейдуна объявил себя не только идейным лидером последователей Исмаила, но и его живым пророком на земле. Возглавив одну из двух мощнейших исламских сект, он разработал и воплотил в жизнь систему психологического манипулирования своими духовными детьми, которые, беспрекословно подчиняясь Учителю, несли смерть его врагам. Чтобы эффективность исполнителя-ассасина была стопроцентной, чтобы он недрогнувшей рукой совершал убийство, не опасаясь за свое дальнейшее будущее, уверенный, что за свой «праведный» поступок он попадет в рай, в процессе подготовки к акции ему «показывали» этот рай. Одурманенного наркотиками молодого человека переносили во внутренний двор крепости, где на основании довольно скупого описания, даваемого Кораном, были «организованы» райские кущи: били фонтаны, цвели сады, бродили дикие звери, обитали прелестные «гурии», которые одним своим присутствием действовали на «избранника Аллаха» еще сильнее, чем гашиш. После их «уроков» ассасин, выполнив миссию, без колебаний шел на смерть, уверенный, что пропуск в рай у него уже в кармане. Таковы исторические факты, взятые автором за основу. Одним из первых в европейской литературе Бартол обратился к столь экзотическому и при этом абсолютно вневременному, универсальному по своему философскому и этическому наполнению материалу, ставшему благодаря общественно-политическим катаклизмам первой половины XX в. необычайно актуальным. Используя античные и европейские философские концепции и учения, через цитаты, парафразы, аллюзии, прямой пересказ писатель ввел в произведение обширный философский контекст. Его герой, средневековый иранец, оперирует понятиями и категориями, сформулированными главным образом мыслителями последующих столетий – Декартом, Макиавелли, Ницше, Фрейдом. Психологическое ядро романа – ана-

лиз возникновения и развития религиозного фанатизма, нравственно-философское – проблема правды и лжи – как во имя высшей идеи, так и ради обретения власти. Для писателя принципиально важны две позиции Ницше – релятивистская, основанная на относительности и исторической обусловленности всех ценностей, и мессианская, связанная с возможностью воплощения высшего типа человеческого идеала. Нет ценностей вечных, неизменных, нет морали, нет разделения на добро и зло, а есть лишь представление о природной целесообразности. «Ничто не истинно – все дозволено», – это высказывание Ницше служит эпиграфом ко всему произведению. Центральная фигура «Аламута» – исламский философ и вождь религиозных фанатиков-ассасинов Хасан ибн Саббах – воплощает в романе известную гипотезу о том, что идеи Ницше – много старше его самого.

Роман дает аутентичную картину одного из этапов иранской истории, где точны даты, события, историко-культурный фон изображаемой эпохи (Фирдоуси, Низами, Омар Хайям), и одновременно подчеркивает живое сопоставление со временем страшных диктатур XX в. между двумя мировыми войнами. Не оцененный современниками, «Аламут» лишь в 1980-е гг. получил широкое признание в Словении и за рубежом.

В 1930-е гг. творчество ряда прозаиков-реалистов левой ориентации получило в словенском и отечественном литературоведении название «социальный реализм» (некоторые словенские исследователи и критики творчество примерно тех же авторов называют термином «новая реальность»). Социальный реализм признавал общественную природу человека и рассматривал человеческую душу и психологию в первую очередь с точки зрения социальных категорий. «Буржуазный» реализм перестал удовлетворять писателей, поскольку сама новая реальность требовала, по их мнению, диалектического подхода, гражданской активности, единства личного и общественного. Социальный реалист стремился быть одновременно и художником, и социологом, и сражающимся гуманистом.

В конце 1930-х гг. большинство словенских писателей, считавших себя в той или иной степени реалистами – как «метафизическими», близкими к экспрессионизму (Прегель, Коцбек), так и «социальными» (Потрч, Прежихов Воранц, Кранец, Космач, Инголич), сблизились во взглядах на социализм: и те, и другие видели в нем главную перспективу словенского общества. Социальные реалисты в основном описывали жизнь деревни, что для словенской литературы было вполне традиционно. Однако они вводили в деревенскую жизнь новых персонажей и новые реалии, без прикрас показывая убожество быта, нищету крестьянства и рост протестных настроений в массах, социальное расслоение на селе, взаимоотношения деревни и государства (как правило, показанные в черных тонах: правительство грабит крестьян налогами, демократические выборы превращаются в фарс, церковь подчас играет неблагоприятную роль в политической игре, город по сравнению с деревней развратен и нищ духом). В ряде произведений – таких как «Залесье пробуждается» (1936) М. Кранца, «Сын» И. Потрча (1937), «Лукари» А. Инголича (1936) – роль «закваски» для дремлющего в крестьянах социального протеста играют вернувшиеся с Первой мировой войны солдаты, побывавшие в русском плену и увидевшие социалистическую революцию. Социальных реалистов не могло удовлетворить бичевание пороков буржуазной цивилизации, как это делал «старый» реализм, – они, вполне в духе своих советских коллег, считали, что литература сама может активно участвовать в строительстве нового общества.

Одним из самых последовательных и одаренных представителей социального реализма был Прежихов Воранц (настоящее имя Ловро Кухар, 1893–1950). Он родился в бедной крестьянской семье; в школу ходил в Любляне и в Вене. Во время Первой мировой войны бежал из австрийской армии на фронте в долине реки Сочи в Италию. Там он находился в тюрьме до конца войны. В 1919 г. вернулся домой, работал на сталелитейном заводе. После Первой мировой войны был видным членом КПЮ и общественно-политическим деятелем Каринтии. После введения диктатуры короля Александра 6 января 1929 г. ему при-

шлось эмигрировать в Австрию. На протяжении почти десятилетия в качестве представителя Коминтерна он работал в разных европейских странах (книга «Борьба на чужбине», 1946). В 1939 г. Прежихов Воранц тайно вернулся в Люблян, где жил на нелегальном положении до 1943 г., после чего был сначала арестован итальянцами, а затем отправлен немцами в лагерь, где и оставался до конца войны. После войны его здоровье было подорвано, он жил в сельской местности и литературой занимался мало.

Прежихов Воранц начал публиковаться в 1909 г. В 1925 г. под своим настоящим именем он издал не привлечший внимания сборник «Повести». Прежихов относился к типу писателя-самоучки, вышедшего из социальных низов и тяготеющего к социальной проблематике (Дж. Лондон, М. Горький, М. Андерсен-Нексё). Его писательский талант раскрылся в 1930-е гг., когда он жил в эмиграции и публиковался в журнале «Содобност». В межвоенный период вышли три значительные книги: романы «Пожганица» (1939) (о ситуации в Каринтии с конца Первой мировой войны до плебисцита 1920 г.) и «Добердоб» (1929, опубликован в 1940 г.), а также сборник рассказов «Самородки» (1940). Эти произведения принесли ему славу лучшего представителя социального реализма и одного из крупнейших словенских писателей. Материал для своих произведений Прежихов Воранц брал в основном из собственного богатого жизненного опыта. В новеллах из цикла «Самородки» писатель создал ряд масштабных и героических образов словенских тружеников, по силе и благородству характера приближающихся к фольклорным героям. Его роман «Добердоб», посвященный жизни и тяготам словенских солдат на фронтах Первой мировой войны, стал одним из самых значительных антивоенных произведений не только словенской, но и югославской литературы (наряду с циклом хорвата М. Крлежи «Хорватский бог Марс», 1922). Отказавшись от одного героя, Воранц написал первый в национальной литературе роман, героем которого является весь воюющий народ. В центре «Добердоба», имеющего подзаголовок «Военный роман словенского народа», – образ солдатской массы (свыше 100 персонажей), что создает широкую эпическую панораму реальных исторических событий. Он рисует подробную картину казарменной и окопной жизни австро-венгерской армии со всей ее жестокостью: самодурством, садизмом и безнаказанностью офицеров, бесправием рядовых, с будничным героизмом и будничным же насилием. Показывая человека на войне, прозаик концентрирует внимание не на одиночестве и страхе смерти (в условиях войны – непременных составляющих человеческого мироощущения), а на инстинкте самосохранения, понимаемом писателем как воля к сопротивлению, которая способна объединить людей. Сюжет романа «держит» история штрафного батальона, сформированного австрийским командованием из политически неблагонадежных солдат. Остатки этого подразделения, попав в семнадцатый словенский пехотный полк, станут катализатором восстания, поднятого солдатами под влиянием идей Октябрьской революции, в Юденбурге в 1918 г. и жестоко подавленного властями.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.